



Е л е н а
Н И К О В А

АНГЛИЙСКИЙ ДНЕВНИК

Елена Никова
АНГЛИЙСКИЙ ДНЕВНИК
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49867778

*Английский дневник:
ISBN 978-5-907189-35-5*

Аннотация

«Английский дневник» – это рассказ о жизни русской семьи на юго-востоке Англии, который благодаря простоте изложения, юмору и самоиронии автора превратился в увлекательные и захватывающие истории. Казалось бы, жизнь в курортном городке располагает к беззаботному веселью, но часто это смех сквозь слезы, ностальгия, грусть, одиночество, отчаянные попытки выжить в чужой стране – проблемы, с которыми сталкиваются почти все переселенцы. К тому же в этом замечательном произведении иногда появляется супер-эго автора, дает дельные советы или выстреливает меткими комментариями, что придает прозе необыкновенный шарм и колорит. Рассказы, дополняющие «Английский дневник», помогают читателю полнее ощутить атмосферу английской жизни. Новеллы из жизни галеристов, аферистов и арт-дилеров Лондона создают особый эффект присутствия в другой среде и полное впечатление, что перед

нами образец классической английской прозы: семейные драмы, таинственные истории, секреты английской недвижимости и арт-рынка. Эффект усиливается динамичностью повествования, обстоятельностью описаний мест и персонажей, оттенков эмоций, тонко подмеченных нюансов общения. Но в других рассказах о детях, подростках и молодых людях мы вновь оказываемся в советской эпохе – это пестрый калейдоскоп сцен киевской жизни, насыщенный запахами, голосами и звуками прошлого, который возвращает читателя во вторую половину 60-х – начало 80-х годов прошлого века.

Содержание

Английский дневник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Е. Никова

АНГЛИЙСКИЙ ДНЕВНИК

С благодарностью первому и единственному учителю Олегу Борушко и моему мужу Сергею за терпение и поддержку.

Уже много лет я ношу в себе эти воспоминания. Они разные. Хорошие и плохие, веселые и грустные. Но они есть. Я попробовала их материализовать. Мой прагматизм проявился даже в этом...

Это жизненные ситуации, в которых мог оказаться любой из нас. Я не претендую на первоисточник. У каждого свой опыт и свое мнение...

Большинство имен я изменила. Они почему-то мне мешали. И некоторое авторское воображение подправило память. Поэтому все совпадения случайны.

Теперь я жалею, что не вела дневник. Несомненно, некоторые из этих рассказов были бы полнее.

АНГЛИЙСКИЙ ДНЕВНИК

Как мы оказались в Бродстеирсе

Прошлое бросать нельзя. Оно требует заботы и внимания. Чтобы предостеречь от будущих ошибок...

Эта история начинается в начале девяностых. В стране смута, разруха, преступность. Будущее более чем туманно. В магазинах пустые прилавки. Цены на продукты в течение дня могут вырасти вдвое. А на двести долларов можно безбедно прожить целый год. Это время больших перемен и начало многих историй. И я расскажу вам свою.

В те годы мы часто ездили в Лондон. Даже очень часто. Благополучная, аристократическая Англия – предел всех советских желаний. Мы молоды, полны энергии, хотим жить лучше, ничего не боимся. И решаем, что в жизни иногда надо что-то менять и даже кардинально. Особенно, когда в стране черт знает что. А с Англией явно наметилась ощутимая связь.

Возможно, мне пора представиться.

Я, Елена – жена. Работа, диссертация – все в прошлом. Да и кому это нужно? Ни сейчас, ни в будущем. В настоящем есть только семья и Англия.

Мой муж, Андрей – художник. Талантливый и неординарный.

Тут надо сразу оговориться. Художник – профессия не редкая. Каждая жена художника считает своего мужа талантливым. А раз талантливый, то, разумеется, неординарный. Но мой муж еще и известный художник. Разумеется, не в Англии. Но это все так, для полноты картины.

Итак, ситуация в нашей стране не из лучших. Это, во-первых. А во-вторых, переезжать же надо куда-то. Поэтому сразу встает вопрос о покупке недвижимости.

С чего же начать? Естественно, с Лондона. Это гигантский город, столица мира. Тут музеи, театры, галереи. Тут бизнес, значит, есть работа. Здесь для любого человека найдется место. Но когда мы знакомимся с ценами на дома в Лондоне, то понимаем, что даже на окраине нам ничего не светит. А что, если поискать в других местах? Уж очень хочется осесть в Англии.

Я узнаю, что есть газета с объявлениями о продаже недвижимости. И вот первая подходящая по цене недвижимость оказывается в Ковентри – городе, находящемся в ста пятидесяти километрах на северо-запад от Лондона в графстве Вест-Мидленс.

Господи, какие же мы наивные!

Мы уговариваем знакомого англичанина свозить нас в Ковентри, чтобы посмотреть этот дом. Альберт едет с нами скорее из любопытства, чем из дружеских побуждений. Мы –

русские – для него диковинка.

Англию мы еще совсем не знаем. Мы не были нигде за пределами Лондона. Да и Лондон мы тоже не знаем.

Короче, едем в Ковентри, смотрим дом. Все грусть-тоска – и место, и дом, и хозяйева. И окрестности никакие.

Это позже я понимаю, что таких домов и мест в Англии немало. Не на каждом же шагу быть столицам. Все как у нас. Те же печальные хрущевки... простите, оговорилась – терасхаусы.

Альберт говорит, что хватать первый попавшийся дом глупо.

– И почему именно Ковентри? Да вы просто ничего еще не видели, не знаете и не искали. На рынке же полно предложений! Андрей, ты же художник! Что ты будешь делать в Ковентри?

Эта эмоциональная реплика в устах хладнокровного англичанина сразу отрезвляет моего мужа. И действительно, что художник будет делать в этой скучной местности? И мы продолжаем поиски.

Кто-то подсказывает, что недорогая недвижимость в Шеффилде. И в следующий наш приезд в Лондон мы отправляемся в Шеффилд.

Шеффилд от Лондона находится еще дальше, чем Ковентри. Этот город встречает нас неприветливо. Возможно, все из-за погоды: холодный ветер, тучи, дождь. И это летом, в июне. Что же здесь будет зимой? Чувствуется, что это про-

мышленный город – заводы, фабрики и унылые улицы. Я даже не знаю почему. Вот унылые и все. Даже новый гигантский шопинг центр, самый большой в Европе, не спасает этот город. Я замечаю, что и люди одеты не так как в Лондоне. Есть в них какая-то провинциальность. Они похожи на моих соотечественников, как будто переселились сюда из нашей глубинки.

Конечно, я все сравниваю с Лондоном. Но и весь Запад обладает для меня волшебной-притягательной силой другой, заграничной жизни. У меня и в мыслях нет, что эта жизнь и люди тоже разные, и всё может быть точно так же, как у нас, а то и хуже.

В Шеффилде мы смотрим несколько домов. Да, недвижимость здесь дешевле, но и тут, похоже, делать нечего. И город Шеффилд тоже отбрасывается навсегда.

Наши мотанья между Киевом и Лондоном продолжаются. В один из приездов я снова покупаю Loot¹ и вижу объявление о продаже дома в каком-то Маргейте. Смотрю карту. Это оказывается на юго-востоке Англии, в графстве Кент. Недалеко от Лондона, но совершенно в другую сторону, на берегу моря. Это уже интересно. Я созваниваюсь с хозяином и в один из дней отправляюсь в Маргейт.

Почти два часа на поезде – и я оказываюсь на залитой ярким солнечным светом набережной. Здесь потрясающий морской воздух! А вот и оно – синее, бескрайнее море.

¹ Газета с объявлениями о продаже недвижимости.

Тут же на набережной бесчисленное множество развлека-
тельных заведений. На английском они называются эмьюз-
мент. Это что, английское Монте-Карло? Я поражена. Да нет,
просто людям надо где-то развлекаться. А во всем другом
это, оказывается, обычный провинциальный городок.

Я прохаживаюсь по набережной. Из эмьюзмент несутся
забавные электронные звуки и музыкальные мелодии. Иг-
ровые автоматы непрерывно разговаривают, завлекая людей
вовнутрь. Здесь вообще нет входов, выходов, дверей. Здесь
сплошной вход. Некоторые автоматы стоят почти на улице,
и между собой одно заведение от другого отделяют только
внутренние стены. Вывески горят и переливаются цветны-
ми огнями даже днем. Это производит впечатления празд-
ника. Здесь шумно, весело, но, однако, пусто. Видимо, игро-
ки здесь собираются к вечеру.

Я достаю карту, нахожу улицу и дом. Он в самом цен-
тре, недалеко от набережной. С виду он ничего, трехэтаж-
ный. Но когда я захожу в дом, он мне совсем не нравится.
Он производит гнетущее впечатление: многодетная семья,
грязь, неприятный запах. Да что же это такое нам попадает-
ся?

В комнате сидит молодая женщина, которая держит на ру-
ках грудного ребенка и вместо соски дает ему свой палец.
Ничего себе! Мне так и хочется сказать: что вы делаете? Я
еще не знаю английских правил: если под рукой нет соски,
то младенцу можно дать палец. Нет, нет, этот дом нам точно

не подходит!

Тем временем мы знакомимся с Джеймсом Баттервиком. Он адвокат. У него своя практика. Он смотрит на нас изучающим долгим взглядом. Мы не англичане. Мы другие. И мы его первые русские клиенты. Он пытается нас понять, заглянуть под черепную коробку.

А у нас все просто. Потому что мы не русские, мы советские. Джеймс нам симпатичен как человек. Он вызывает доверие. Больше нам ничего не надо.

По возвращении в Киев Андрей при случае теперь всем друзьям говорит «мой адвокат». Это действует на наших людей убийственно. Ничего себе – личный адвокат! Такое может позволить себе не каждый.

Так вот, Джеймс, когда узнает, что я ездила посмотреть дом в Маргейте, удивляется и говорит:

– Лена, но почему Маргейт? Ах да, море... Но есть место лучше. Это – Бродстеирс. Чуть дальше. Еще несколько минут поездом, и следующая остановка Бродстеирс. Поищите там, – и он дает мне номер телефона агентства по недвижимости в этом городке.

Сегодня, если вы напишите в Гугле «Бродстеирс», вам вывалится сотня фотографий этого места. Вы сразу увидите дом, где жил Чарльз Диккенс. Пляж, где в солнечный день негде яблоку упасть. Морские отливы, фольклорные фестивали и фестивали Чарльза Диккенса. Бродстеирс предстанет во всей своей красе. Но в начале девяностых интернета еще

нет, и чтобы познакомиться с Бродстеирсом и понять, что это за место, мне надо туда поехать. Я сажусь в поезд на вокзале Виктория и отправляюсь в Бродстеирс, чтобы самой все увидеть.

От железнодорожной станции вниз к морю ведет главная улица городка Хай-стрит. В Англии в любом городке главная улица всегда называется Хай-стрит. Все как у нас: когда-то, во всех городах СССР главные улицы были улицы Ленина. И вот я иду по улице Ленина Бродстеирса. Она украшена веселыми цветными флажками. Здесь находятся магазины, мелкие лавочки, отделения банков, агентства по недвижимости, полицейский участок, библиотека... Пожалуй, и все. В одном месте она горбатится, будто готовится к прыжку, затем сужается, хотя куда еще уже, затем снова становится шире и выводит меня на набережную.

Я провожу здесь целый день. После Лондона с его суетой Бродстеирс кажется мне райским местом. Воздух здесь не только свежий, но и морской. Вдоль моря красивый променада, кафе и рестораны. Этот городок уютнее Маргейта. Я не знаю почему, но он мне нравится больше. Он респектабельный, приятный. И даже море, огромное сапфирное море, кажется мне более привлекательным.

У человека, который на море приезжает только в отпуск, к морю особое отношение. Кажется, если будешь жить у моря, то чуть ли не каждый день будешь ходить на море купаться. Именно так я и думаю, гуляя по набережной Бродстеирса.

Очень скоро я пойму, что это большое заблуждение. Когда живешь у моря, моря уже не замечаешь. Чувствуешь холодный ветер, на отливе резкий йодистый запах водорослей, а низкие облака давят. Вот она, обыденность бытия.

Вернувшись, я рассказываю Андрею о своих впечатлениях. Он заинтересован. Через несколько дней мы едем в Бродстеирс уже вместе. Гуляем по городу, смотрим несколько домов.

– Да, это то, что мне нужно. Тут есть, что писать, – одобряет мой муж.

Среди множества предложений есть одно интересное. Это четырехкомнатная квартира в старом доме постройки 1902 года. Представляете, практически викторианской эпохи! Потолки три метра. К ним от пола тянутся красивые большие окна-эркеры, которые по-английски называются bay windows, и отдельный вход с двумя вазами на ступеньках. Требуется только небольшой ремонт в ванной и кухне.

Мы еще не избалованы «евроремонтами», и необходимость положить кафель в ванной нас не смущает. Кстати, кто придумал это слово «евроремонт»? Англия, кажется, Европа, только что-то этих евроремонтов я тут не вижу.

И все-таки мне не нравится, что все огромные окна этой квартиры выходят на проезжую часть – дом стоит на перекрестке двух дорог. Я говорю, что будет шумно и что надо еще очень серьезно подумать.

– Не будешь открывать окна, – отрезает Андрей.

Возражать бессмысленно, но я все-таки пытаюсь. Я ведь борец за правду. Но мой муж уже все решил сам. Мое супер-эго дернулось и замолчало.

В процессе покупки квартиры выясняется много интересных деталей. Вся недвижимость в Англии делится на freehold – фрихолд и leasehold – лисхолд. Как правило, дома относятся к фрихолду, а квартиры – к лисхолду. Фрихолд – это владение недвижимостью сроком на девятьсот девяносто девять лет. Однако такой срок ставит под сомнение существование самой недвижимости, поэтому практически означает свободное владение. Лисхолд – это покупка недвижимости у ее владельца – лендлорда, на определенный срок, то есть временное владение. Временное владение тоже может быть надолго. Хватит не на одну жизнь. В этой квартире лисхолд оказывается на сто двадцать пять лет, и из них истекло лет десять. Но чем меньше срок лисхолда, тем меньше шансов впоследствии продать квартиру. И еще одна тонкость. Раз в год лендлорду платится рента, размер которой он определяет сам.

Всю эту информацию приходится выискивать. Из разговоров с адвокатом мы понимаем, что лисхолд имеет преимущества. Например, если у нас потечет крыша, то сумма, потраченная на ее ремонт, будет поделена поровну между всеми владельцами квартир дома. Я сразу представила себе, что на потолке у нас образовалось мокрое пятно, и порадовалась за подобные законы. Но не подумала, что если над нами еще

несколько этажей, то мы тоже будем платить, хотя над нами не капает. Так спустя годы нам придется заплатить за новую лестницу, ведущую в другие квартиры, хотя мы ни разу ею не воспользуемся. И размер ренты будет из года в год увеличиваться.

Зачем я все это пишу? Кому нужны эти подробности? Да просто потому, что из всего этого, увы, складывается жизнь...

В Англии при покупке недвижимости, чтобы не купить кота в мешке, обычно делают ее осмотр. По-английски это называется survey. Вызывается инженер, который проверяет трубы, крышу, фундамент, отопление, камины. И если выявляются скрытые недостатки, цена недвижимости может быть снижена. Осмотр дело недешевое, но он того стоит. Можно, конечно, заказать частичный осмотр. Как нам объясняет мистер Баттервик, посмотрят самое главное. И это будет стоить почти в два раза дешевле. Так зачем тратиться? Вот такой осмотр мы и заказываем. Но скупой платит дважды...

Согласно осмотру, в квартире все отлично: новая крыша, бойлеры, трубы, батареи. Только со временем выясняется, что батарей недостаточно, бойлеры ломаются каждые полгода, рамы на окнах старые и не двойные, а под спальней холодный подвал и из него круглый год идет холод через щели в полу. Но даже если бы сразу это все обнаружилось, нас бы это не остановило. Нас уже несет. Мы вырвались из «совка», из грязи и неразберихи тех лет. Мы хотим другой жизни, и

вот она начинается.

Наш адвокат готовит бумаги. И мы ждем обмена контрактами. Ждать приходится почти месяц. Хозяйка квартиры миссис Сноуграс теперь живет в Австралии. Кстати, что за смешное имя – Сноуграс. Наш адвокат пренебрежительно морщится.

И когда в канун Рождества Джеймс Баттервик, наконец, вручает нам подписанный контракт и ключи от квартиры, мы абсолютно счастливы.

Вот так порой случайно определяется место жительства. И все же любопытно, из чего складывается судьба? Что это: случайные действия, желания, возможности? А какая уже разница? Знаю только одно – правильно говорят: как корабль назовешь, так он и поплывет. Это полностью относится и к месту жительства: где поселишься, так и жить будешь. Однако понимание этого приходит гораздо позже...

Я помню первую ночь в этой еще чужой для меня квартире, с чужой мебелью, чужими запахами и вещами – случайное наследство миссис Сноуграс. Мне неудобно, зябко, и я до утра не могу уснуть.

А за окном всю ночь поют птицы. Это скворцы. Они заливаются трелями, как майские соловьи. В Киеве зима, а здесь поют скворцы. Это невероятно!

Любопытно, что я больше никогда на Рождество в Бродстеирсе не услышу пение птиц.

На следующий день мы улетали в Киев...

Холидей резорт

Первое лето в Бродстеирсе...

Мы приезжаем сюда в конце мая уже с Лёшей – нашим десятилетним сыном. Бодрящий ветер, яркое солнце, низкие белоснежные облака. Два-три погожих дня, вселяющих надежду на наступление лета – и снова мартовский холод. Я все жду тепла. Оно наступит только позже, в середине июля.

В выходные дни толпы людей гуляют по набережной, и с каждой неделей их становится все больше. Откуда они берутся? Гостиницы, кафе и рестораны переполнены. Пляж пестрит, гудит и шевелится. Все ставят в песок защитные экраны от ветра, и это придает берегу удивительную живописность. Купающихся мало. Только посиневшие от холода английские дети, которые в любое время года ходят в шортах и гольфах, плещутся в ледяной воде.

Бродстеирс, оказывается, – известный английский курорт еще со времен королевы Виктории. По-английски курорт называется холидей резорт. Когда-то в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков здесь на пляже стояли ванны с морской водой. Выглядело это довольно забавно. Ванны устанавливались в маленькие кибитки, в которые запрягались лошади. Лошади завозили эти телеги в море, где в ванны набирали воду, а затем вытягивали на берег. Ну вот, лечебная ванна готова.

Сегодня такое лечение в Англии забыто. Даже построенная в Маргейте на берегу моря большая водолечебница пустует уже много лет...

Теперь я знаю, что Чарльз Диккенс часто приезжал в Бродстеирс. Вначале во время своих приездов писатель останавливался в доме на набережной, где сейчас находится его музей. Но это не единственный в Бродстеирсе музей Диккенса. Есть еще один. Он находится в Блик Хаусе – доме, возвышающемся над бухтой. Здесь знаменитый писатель останавливался позже. Англичане рассуждали просто: если есть один музей знаменитого писателя, то почему бы не быть второму? Так появился музей Диккенса в Блик Хаусе.

Мы посещаем эти музеи, и пусть нам все завидуют!

В июне в городе проходит интересное действо. Это фестиваль Чарльза Диккенса. Жители городка одеваются в костюмы персонажей Диккенса. Целую неделю они, словно актеры, разгуливают в этих нарядах. Мы с Лёшкой фотографируемся с ними, и они охотно позируют, как дрессированные животные в цирке во время антракта.

Интересно, что после июньского фестиваля Диккенса в августе проходит неделя Чарльза Диккенса. Пока мне непонятно, чем отличаются фестиваль от недели. Хотя постойте, если есть два музея Дикенса, то почему бы не быть фестивалю и неделе Диккенса? А может быть, неделя для тех, кто не успел попасть на фестиваль?

Вечером за окнами какое-то движение, заездили машины,

и люди с детьми спешат вниз к морю. Мы с Лёшей быстро выскакиваем из дома и присоединяемся к толпе.

На набережной целое столпотворение. Что происходит? Мы пробираемся ближе к парапету и видим: внизу на пляже – огороженная лентой территория. На песке расставлены приспособления для фейерверка. Последние приготовления – и ровно в десять вечера начинается феерия огня и света. В воздух со свистом взлетают петарды, ракеты, хлопушки и рассыпаются тысячами цветных огней. Это что-то невообразимое. Толпа ахает каждый раз, когда звезды взрываются и ажурными куполами зависают на несколько секунд в темном небе. Через пятнадцать минут шоу заканчивается, зрители в восторге аплодируют, а пиротехники раскланиваются, как актеры.

Но праздник не окончен. Гулянье продолжается. В темноте светятся и фосфоресцируют какие-то штучки. Дети бегают со светящимися мечами, волшебными палочками. На головах у них мерцают синие, зеленые, желтые антенны, короны, ушки. Лёша тоже хочет что-то такое. Где же они это взяли? И тут я вижу продавцов этих безделушек. Это цыгане. Их целый десант. Они, как новогодние елки, увешаны этими фосфоресцирующими игрушками. Лёша выбирает себе светящийся браслетик и мигающую палочку. Ребенок счастлив.

Такие летние фейерверки будут каждую среду семь недель подряд.

К концу июля в Бродстеирсе появляются группы людей в

красочных национальных костюмах. Они прогуливаются по Хайстрит, внезапно останавливаются и пускаются в задорный пляс. У некоторых танцоров на ногах и руках бубенчики, и их танцы сопровождается нежный перезвон.

Вот ансамбль из Шотландии в традиционных килтах, с волынками. Они чинно прохаживаются по променаду и звуками волынки, словно сиреной прокладывают себе дорогу. На пирсе отплясывают ирландцы в коротких панталонах и деревянных башмаках. Тут можно увидеть и лихую чечетку, и присядку, и танцы с бубнами и колотушками.

Это представление называется фолквик – фольклорная неделя. Танцевальные группы со всей Великобритании съезжаются в Бродстеирс на фестиваль народного танца. Некоторые приезжают даже из-за границы. Все собираются на набережной, где проводится грандиозный концерт.

Заключительным аккордом лета становится августовский карнавал. Это шествие по центральным улицам Бродстеирса одетых в маскарадные костюмы людей. На специальных платформах везут юных красавиц – победительниц местных конкурсов красоты. Отряд местных геев демонстрирует шикарные парики, молодежь веселится и забавляется. Эта процессия напоминает мне первомайскую демонстрацию. Но, слава богу, нет агитплакатов и лозунгов.

Все это очень интересно. Первые два-три года. Потом я наблюдаю фейерверк из окна...

Ну вот, первое лето в Бродстеирсе, кажется, кончается. И

у меня такое чувство, что пора возвращаться. Мне до боли хочется домой. И такая тоска внутри.

И вдруг Лёшка говорит:

– Мама, я хочу в Киев!

И плачет...

Лиля и Эйдриан

– Радуга! Смотрите, радуга! – кричит наш сын, выбегая на большой зеленый газон на променаде около моря. И действительно, над нами огромная классическая радуга на фоне серого с просветами неба, еще не полностью отогнавшего грозу. Первые числа июня. С моря дует пронзительный холодный ветер, усиливающийся к вечеру. Типичная английская погода нашей прибрежной местности. Тепло еще будет, но и ветер не прекратится.

– Извините, вы русские? – слышим мы с Андреем вопрос за спиной, оборачиваемся и видим молодую пару. Она в куртке и грубых английских ботинках «Доктор Мартин». На нем поношенное кашемировое пальто с поднятым воротником. Он поеживается от холода, пряча руки в карманах.

– Добрый вечер, – слегка растягивая слова, говорит молодой человек.

– Извините, мы услышали слово «радуга» и решили подойти к вам. Это такая редкость – услышать здесь русскую речь, – словно оправдываясь, добавляет девушка.

Мы знакомимся. Ее зовут Лиля, а мужа Эйдриан. Он оказывается англичанином, хотя я приняла его за прибалтийца – так хорошо он говорит по-русски, с едва заметным акцентом. Лиля русская. Первая русская, с кем мы знакомимся в Бродстеирсе.

Эйдриан рассказывает, что он учил русский язык с двенадцати лет в частной школе, затем университет, а потом практика в Москве, где он и познакомился с Лилушей – так он называет Лилю. А потом они поженились.

– Я здесь почти уже два года, – улыбаясь, говорит Лиля, хотя глаза ее остаются грустными.

– А почему мы здесь стоим? Давайте зайдем в паб, выпьем чего-нибудь, – предлагает Эйдриан.

Мы заходим в ближайший паб. Я теряюсь, не зная, что заказать.

– «Биттер лемон», – подсказывает Лиля.

– А мне – диетическую колу, пожалуйста, – заказывает Эйдриан.

Оказывается, они завсегда и этого паба и проводят здесь чуть ли не каждый вечер. И сегодня как раз направлялись туда перед тем, как мы встретились.

С этих пор они начинают часто бывать у нас дома.

Эйдриан заходит почти каждый день. Официально он – безработный. Месяца за два до нашего знакомства компания, в которой он работал, закрылась. Всех уволили, но с

хорошей компенсацией. На денежную компенсацию Эйдриан купил подержанный автомобиль БМВ, тщательные поиски которого заняли у него пару месяцев. И неторопливо, с английской обстоятельностью, начал искать новую работу.

Эйдриан появляется у нас, как правило, после двенадцати. До этого он пьет кофе и читает газету в кафе на набережной. Затем приходит к нам, подолгу сидит, курит, играет в шахматы с моим мужем и никогда не отказывается от кофе.

– Кофе? Да, пожалуйста.

Глотнув пару раз, Эйдриан отставляет чашку в сторону и забывает про нее.

Через некоторое время я снова предлагаю кофе, и опять:

– Да, пожалуйста.

Чашки выстраиваются перед ним, и в каждой до половины кофе. Ну все, больше я кофе ему не предлагаю. Тогда он начинает просить сам.

– А в этих чашках? – не сдаюсь я.

– Этот кофе уже холодный.

Да, серьезный английский аргумент. Но не слишком ли я строга, однако? Хорошо, сейчас будет горячий.

Я забираю все чашки, из двух сливаю в одну, грею в микроволновке и подаю ему. Да простит меня Эйдриан. Эйдриан прощает: он несказанно рад.

Наше знакомство происходит вскоре после того, как мы въехали в нашу бродстеирскую квартиру. Наследство миссис

Сноуграс мешает жить. Мы выбрасываем почти весь хлам, но остаются старые кровати. Их бы просто отдать в магазин подержанной мебели, но я еще не знаю, что так можно поступить. Недолго думая, Андрей находит решение: распилить кровати на части, сложить все в мусорные мешки и выбросить. Тут как раз появляется Эйдриан и радостно поддерживает эту идею. Видимо, он тоже не прочь поработать. Он даже предлагает погрузить останки в его машину и свезти на свалку. Отлично!

Эйдриан выбирает одну из четырех оставшихся кроватей и с английской осторожностью спрашивает:

– Вы хотите начать с этой?

«Эта» – большая двуспальная кровать, с роскошными белыми цветами на желтом атласном матрасе. На вид она выглядит почти новой.

Андрей быстро соглашается, чтобы Эйдриан не отказался.

Мужчины начинают пилить. Красивая атласная обшивка резко разъезжается в стороны от первого прикосновения пилы. Это настоящий вандализм. Еще несколько быстрых движений – и пружины выскакивают наружу.

Эйдриан весь взмок. Он становится красным и пыхтит от натуги. Снимает с себя футболку. Его большое мягкое тело колыхается, как желе.

– Ну и прочные кровати у этой фирмы, – недовольно ворчит он.

Андрей на секунду останавливается и вопросительно

смотрит на него. Эйдриан продолжает пилить.

– Такая кровать фунтов шестьсот стоит, – бормочет он, как бы, между прочим, и после паузы добавляет: – вот это качество! Это лучшие кровати в Англии!

– ...

Через полтора часа от лучшей кровати Англии остается несколько кусков с торчащими пружинами, мелкий мусор и опилки. Все это Андрей с Эйдрианом складывают в черные кульки и грузят в машину.

Все, работа на сегодня окончена. Распиливать оставшиеся кровати нет желания.

Эйдриан и Лилюша продолжают по вечерам ходить в паб. Они проходят мимо нашего дома, и я часто вижу их из окна.

Однажды в пабе большая группа студентов из Франции засиделась допоздна. Обычно паб закрывается в одиннадцать, а уже начало двенадцатого. Молодежь веселится и не собирается уходить.

Барменша, молодая бойкая Карол, уже нервничает. Пока все уберешь да помоешь, час ночи будет, а они еще свое пиво не допили. Как же им сказать, что паб закрывается? И решила, что по-французски будет вежливее. Но как это сказать пофранцузски?

Кто-то подсказывает, что Эйдриан знает французский:

– Он скажет тебе фразу, а ты ее им повтори.

Эйдриан тут же соглашается помочь. И, перефразировав выражение «Кто меня любит, последует за мной!» медленно

по слогам произносит: «Кто меня хочет – пойдёмте со мной».

Карол благодарит Эйдриана, подходит к шумной мужской компании и громко, на весь паб, с выражением повторяет то, что он ей сказал.

Шум и смех сразу прекращаются. Французы замирают и тарашатся на предлагающую себя англичанку.

– В чем проблема? – продолжает она и снова произносит то же самое.

Довольный собой Эйдриан любит вспоминать этот эпизод и с подробностями рассказывает его всем знакомым.

Постепенно мы знакомимся ближе и узнаем много нового об англичанах. Эйдриан с Лилей часто подъезжают к морю и поанглийски, не выходя из машины, смотрят в бинокль в сторону континента.

Как все англичане, Эйдриан в глубине души недолюбливает французов.

– Наши традиционные английские лодочки такие маленькие, а у этих французов такие огромные, – говорит он, глядя на море, тоном обиженного ребенка.

Они разговаривают, курят и едут домой.

Эйдриан иногда напоминает мне большого мальчишку, любящего сделать что-нибудь исподтишка и не признаться.

– Лилюша, ты же знаешь, какой я могу быть вредный, – тянет он с соответствующей интонацией.

Возможно, она знает.

Лилиюша, в отличие от своего мужа, худенькая, невысокого роста темноволосая девушка лет двадцати пяти, с печальными, как у бездомного щенка, глазами. Даже когда она смеется, глаза остаются грустными.

– Как тебе здесь? – как-то спрашиваю я.

– Первое время, когда я только приехала сюда, я не могла наесться. Все казалось таким вкусным, аппетитным, сказочно красивым. Выпечка и торты прямо таяли во рту. Все вокруг было необычным, интересным, изобилие радовало. Потом я привыкла, выучила английский язык, кое-что понимать стала... Ведь у меня жених был, и свадьба должна была быть, а я за два дня до свадьбы все расстроила. Эйдриан прислал письмо и приглашение приехать в Англию. Ну, я и решила поехать...

Лилиюша грустно улыбается.

– Мы познакомились с ним в Москве, когда он был здесь три месяца на практике.

– Не здесь, а там, – поправляю я с улыбкой.

– Да, верно, там, – продолжает Лилиюша. – Мы часто виделись, я показывала ему Москву, и после того, как он уехал, стали переписываться. И вот теперь я здесь. Работаю в фармакологической компании, ввожу в компьютер результаты всех их исследований. Недавно вакансия новая была, я подала заявление, а взяли англичанку, которая только пришла и работу толком не знает, – Лилиюша опять грустно улыбается. – Мне в Москву поехать – все равно, что из воды выныр-

нуть и воздуха в легкие набрать...

Эйдриан продолжает приходить к нам. Играет в шахматы с Андреем, много курит, подолгу думает над каждым ходом, отвлекается на всевозможные разговоры и всегда проигрывает.

Однажды он садится играть в шахматы с Лёшей, как всегда отвлекается и получает мат. Немного опешив от неожиданности, он недовольно сопит, ссылается на какие-то дела и быстро уходит. И исчезает...

Время идет. Иногда выглядывая в окно, я вижу Лилюшу и Эйдриана, которые все так же по вечерам направляются в местный паб. Она в тех же английских ботинках, он в том же кашемировом пальто. Он по-английски держит ее за руку, и они почти в ногу шагают по серому тротуару.

Мне не видно ее глаз, но я знаю, что они остаются такими же грустными.

Скачки

После многолюдного шумного лета с фейерверками и фестивалями наступает неизбежная пустота межсезонья. Летний уют и гостеприимство резко сменяются однообразием и скукой маленького провинциального городка. Люди куда-то исчезли, темнеет рано, после шести вечера улицы пустеют, и вечера тянутся долгие и невеселые.

Пойти, собственно говоря, некуда. Но в Бродстеирсе, как

и в Маргейте, есть игровые автоматы. Правда, только два зала и тоже на набережной. Выходя вечером на променады, мы иногда заходим сюда просто так, посмотреть.

Да и как пройти мимо, когда здесь горят огни, все сверкает и раздаётся веселый звон монет? Мажорные мелодии сменяются призывами электронных голосов испытать фортуны, сорвать джекпот, стать миллионером.

Но мы еще не испорчены капитализмом. Мы никогда не играли на игровых автоматах. Мы осторожно ходим кругами и все рассматриваем.

Нам с Лёшкой нравятся игровые автоматы, выталкивающие монеты. Наверное, потому что они самые простые и понятные. Внутри игровой машины на небольшой плоской горизонтальной поверхности лежит множество мелких монет по два пенса, которые подталкивает вперед к краю поверхности вертикальная планка. Ее движение ограничено, и чтобы монетки начали падать в призывную чашу, их должно стать еще больше.

Я не спеша бросаю по одной денежке в верхнее отверстие автомата. Кажется, вот добавлю еще два пенса, все обвалится, и у меня будут полные карманы монет. А монеты каким-то образом держатся. И надо отдать еще тридцать, а то и сорок пенсов прежде чем они начнут падать.

Наконец, случается обвал, и монеты со звоном наполняют призывную чашу. Но их почему-то гораздо меньше, чем только что на моих глазах летело вниз.

Теоретически всего за два пенса можно выиграть хорошую жменю монет. На самом деле, сколько не старайся, количество выигранных денег не превышает два фунта – скрытые ловушки забирают большую часть медяшек.

Через некоторое время, когда мы уже наигрались в монетки, наше внимание привлекает совершенно другая игра. В центре зала стоит большой автомат «Скачки». Семь маленьких лошадок с наездниками по команде начинают двигаться в сторону финиша. Чтобы поставить на какую-то лошадку, надо опустить монету в пятьдесят пенсов в отверстие автомата. Это уже совсем другая такса. Но на этом автомате можно выиграть значительно больше. Все зависит от номера, который придет первым.

Мы втроем окружаем автомат с разных сторон и принимаем лицами к стеклянному куполу.

– Пап, смотри, сейчас тройка придет первой. – Глаза нашего ребенка горят огнем.

И действительно, третий номер уверенно идет впереди всех. Но вот перед самым финишем пятый номер внезапно обходит третий и финиширует первым. Лошадки возвращаются назад, автомат предлагает делать ставки, и начинается новый забег.

– Пап, можно, я поставлю?

– Ну, поставь.

– А на какой номер, как ты думаешь?

– Давай ставь на второй.

Лёша ставит на второй, но первым приходит шестерка. Потом ставит на пятерку, а побеждает тройка. И так все время, угадать, какая лошадка придет первой, практически невозможно. Только одна вырвется вперед, как вдруг притормозит, и впереди оказывается совсем другая, а победить может третья.

Самый большой приз в пять фунтов всегда падает на лошадку номер семь, но первой она приходит редко. Хотя в течение часа есть еще несколько комбинаций подряд, на которых тоже можно получить неплохой выигрыш. Монетоприемников четыре, значит, максимальное количество ставок или игроков тоже равняется четырем. Делать ставки можно до тех пор, пока наездники не прошли треть дистанции.

Мы, как замороженные, подолгу стоим возле этих скачек и слушаем громкие азартные комментарии автомата к забегам. Время от времени кто-то из нас делает одну или две ставки. Очень редко, и то случайно, удастся угадать победителя. Но чем дольше мы наблюдаем за скачками, тем понятнее становится, что номера лошадок, пришедших первыми, через какое-то время повторяются. Значит, это система, а если есть система, значит, ее можно разгадать. Но как? Записывать последовательность выигрышных номеров нельзя. Об этом предупреждают правила игрового автомата, и везде стоят камеры. Нарушение правил может привести к тому, что нас просто выпроводят. Тогда Андрей придумывает записать результаты на магнитофон – зря, что ли, автомат

громко объявляет победителей.

На следующий день наш папа кладет маленький магнитофон в свою сумку, вешает ее на плечо, и мы идем в эмьюзмент. Небольшая сумка ни у кого не вызовет подозрений. Мы обмениваем фунты на мелочь и с разных сторон располагаемся возле автомата. Андрей роется у себя в сумке – включает магнитофон. Итак, наша дерзкая афера начинается – игроки против игрового автомата, а может, и против эмьюзмент.

Мы делаем ставки, но ничего не выигрываем. У нас другая цель – записать последовательность финишируемых номеров. Магнитофон кассетный. Через сорок минут заканчивается одна сторона и надо перевернуть кассету. Для этого Андрей выходит из зала, а мы с Лёшкой пока запоминаем результаты тех двух забегов, которых не будет в записи. Андрей возвращается, снимает сумку с плеча и уже просто ставит ее на пол возле автомата. Мы продолжаем делать вид, что азартно играем. А Лёша в течение следующих сорока минут даже пару раз выигрывает.

Весь этот план мы продумываем заранее. И он срабатывает. Придя домой, остается только прослушать кассету и записать последовательность номеров, что Лёшка и делает. Теперь у нас в руках код, с помощью которого мы собираемся взять реванш.

Как я уже говорила, дверей как таковых в таких развлекательных заведениях нет. Наши скачки находятся недалеко

от входа, поэтому все, что автомат говорит, хорошо слышно на улице. Чтобы проверить, как сработает наша авантюра, Лёшка располагается недалеко от входа в заведение. Он запоминает выигрышные номера двух-трех забегов подряд и по своей шпаргалке определяет, какой номер придет первым в следующем забеге. Затем подходит к автомату, делает ставку и, разумеется, выигрывает. Ну вот, мы и понимаем, что теперь можем сыграть «по-крупному».

Нас разбирает азарт, и буквально на следующий день вечером мы все вместе снова отправляемся в эмьюзмент. Встаем с разных сторон от наших скачек и начинаем понемногу играть. Лёшка уже знает, что делать. Он запоминает последовательность лошадок, пришедших к финишу первыми. Затем выходит на улицу, заглядывает в свою бумажку и видит, что через два забега выигрывает тройка, а затем семерка. Почти классика жанра: тройка, семерка, туз!

Мы еще раз, для отвода глаз, делаем ставку на любой номер, с радостью проигрываем, и, предвкушая скорую победу, делаем все четыре ставки на лошадку номер семь.

И снова старт. Семерка, где-то там, в конце, едва ковыляет. Но вот с половины дистанции она прибавляет темп, обходит одну лошадку, вторую, еще три – и решительно финиширует первой. Через мгновение в призовой чаше раздается дружный звон монет. Нашему ликованию нет предела – вот она, наша долгожданная победа!

Мы продолжаем играть, делаем ставки и, разумеется, вы-

игрываем. И когда после очередного выигрыша одна из призовых чаш пуста просто потому, что все имеющиеся в автомате деньги мы уже выиграли, нас разбирает возмущение. Лёша идет к смотрителю жаловаться. Вежливый англичанин извиняется и... выдает ему выигрыш. Мы ликуем, но понимаем, что на сегодня наша игра закончилась. Дома подсчитываем деньги – пятьдесят шесть фунтов! Ничего себе, это вам не хухры-мухры!

Чем же кончилась вся эта история? Думаю, вы догадались. Когда через два дня мы снова приходим в зал игровых автоматов к нашим лошадам, нас вежливо, но строго и категорично просят больше не приходить. Вот так. Перехитрить империю развлечений невозможно. Она всегда начеку и фокусничать может только сама.

Но Лёшка все-таки еще несколько раз проделывает этот трюк. Он время от времени знакомится с русскими мальчишками, приезжающими в Бродстеирс изучать английский язык, и рассказывает им, как можно обыграть один из игровых автоматов. Они вместе подходят к эмьюзмент, но Лёша остается на улице и руководит процессом. Приезжих ребят здесь никто не знает, и когда они парутройку раз выигрывают, это не привлекает внимание. Затем они честно делятся с Лёшкой, и на выигранные деньги все вместе покупают мороженное.

На этом наше увлечение игровыми автоматами заканчивается.

Школа, дружба и шесть фунтов

Bromstone Primary School, The Hereson School, Upton School, St. Lawrence College...² Мне предстоит разобраться с английскими учебными заведениями, потому что с сентября Лёша должен пойти в школу.

Я собираю сведения по крупицам. Это одна из самых больших проблем, с которой сталкиваешься за границей.

У нас нет ни родственников, ни друзей в этой стране. Русские, с которыми знакомишься, сами пытаются у тебя что-то узнать. Они так стараются, что просто под кожу лезут. Неужели и я такая? А те, которые живут здесь не один год, не спешат делиться своим опытом.

Через пару лет я тоже буду неохотно делиться информацией. Знания приобретаются с трудом путем проб и ошибок, и передавать их первому встречному уже не хочется. Однако, одна из черт эмигрантов – сами вымазались в грязи, пусть и другие вымажутся – мне тоже не нравится.

Интернета еще нет, и я пользуюсь «Желтыми страницами». Этот справочник поначалу кажется мне китайской грамотой. Я ничего не могу понять. Но постепенно я разбираюсь в нем, и все становится ясно.

Итак, я выписываю на листочке все школы нашей мест-

² Перечисляются начальные и средние учебные заведения.

ности. Отбрасываю те, которые далеко. Частные школы тоже исключаю, потому что они дорогие. В результате остается одна Upton School³, находящаяся в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Вот туда-то мы с Лёшей и отправляемся.

Надо отдать должное моему одиннадцатилетнему сыну. До этого он учился в Киеве и закончил четвертый класс. Он меняет школу первый раз, по-английски практически не говорит и почти не понимает, но все воспринимает позитивно.

В приемной у хэдмастера – так, оказывается, по-английски называется директор школы, уже находится молодая англичанка с маленьким ребенком в коляске и с двумя детьми школьного возраста, которых она тоже привела в Upton School. Меня принимают очень вежливо, и Лёшу зачисляют в шестой класс, особо не заморачиваясь с документами. Так после четвертого класса он по возрасту сразу попал в шестой и никогда не учился в пятом.

Занятия в школе у англичан не начинаются первого сентября. Начало учебы обычно приходится на вторую неделю сентября, но даты в каждой школе разные, как и школьная форма. В Upton занятия начинались в тот год с девятого сентября, а форма для мальчиков – белая рубашка, серый джемпер, галстук в полоску, темно серые брюки и черные ботинки.

Вот в такой одежде я привожу Лёшку в первый день в школу. Он стоит на газоне перед школьным зданием и выглядит,

³ Аптонская школа.

как настоящий английский школьник. А вот после окончания уроков он до настоящих английских школьников не дотягивает. Ему не хватает развязанных шнурков, вылезающей из брюк рубашки и галстука в кармане – почему-то именно такой вид у британских школяров после уроков.

Да, и еще – у него не английская стрижка. Несколько позже он станет, как все провинциальные английские мальчишки, носить прическу *curtains* – «занавески». Затылок стрижется коротко, а волосы делают одной длины с челкой и расчесывают на прямой пробор. Типичная стрижка «под горшок».

Здесь, на школьной лужайке, я замечаю англичанку с коляской, ту самую, которая вместе со мной отдавала своих детей в школу. Мы здороваемся и знакомимся. Оказывается, наши мальчишки пошли в один класс. Ее зовут Гейл, а сына Питер. Гейл с детьми летом переехала из Лондона в Бродстеирс к бойфренду, от которого у нее младший ребенок. В Бродстеирсе с тремя детьми спокойнее.

Учительница мисс Хейдон берет Лешу за руку, другой рукой Питера – и вместе со всеми детьми они заходят в школу.

Начальные школы в Англии отличаются от наших школ. Вопервых, они, как правило, выделены в отдельные заведения. Вовторых, школьная программа в них такая щадящая, что детям практически не задают домашних заданий, а из уроков у них чаще рисование, чем математика. Говорят, в частных школах строже, но в частной школе мы не учились.

Столы в начальной школе часто соединяют между собой, и ученики сидят парами друг против друга, так что половина класса оказывается спиной к доске. Видимо, доской они пользуются редко.

Учителя ученики называют «мистер» и добавляют фамилию, а учительницу – «мисс», даже если она замужем, и тоже по фамилии.

Школьный год разбит на три семестра – terms, с каникулами после каждого. В середине каждого терма есть еще недельные каникулы – half term – «половина семестра». А заканчивается учебный год в конце июля. Это все мне еще предстоит узнать.

В два часа дня я снова иду в школу за Лёшей. По дороге встречаю Гейл с коляской. Она не волнуется. Когда у тебя трое детей, волноваться за каждого – не хватит здоровья. Срабатывает инстинкт самосохранения.

Наши мальчишки выходят вместе. Питер что-то говорит Лёше. Тот молча кивает головой. Что он понимает? Это для меня загадка.

– Лёш, ну как ты? – спрашиваю.

И он мне с гордостью:

– А у меня есть друг! – И глаза светятся радостью.

Какая там школа, главное, появился друг!

Теперь они с Питером сидят за одной партой и возвращаются домой из школы вместе. Ходят со мной и Гейл после

уроков гулять на море. А недели через три, когда какая-то девочка в школе подходит к Лёше и просто так ни с того ни с сего говорит «Russian, go away!»⁴, Питер тут же встает на его защиту и немедленно сдает обидчицу учительнице. Ее строго отчитывают. Расизм в Англии не приветствуется.

Я радуюсь за Лёшу. Так он быстрее заговорит по-английски. И поощряю эту дружбу.

Но долго она не продлилась.

Однажды Питер приходит к нам домой после уроков. Они располагаются у Лёши в комнате, и Лёшка показывает ему свою шкатулку, в которой хранит шесть фунтов – шесть бледнозолотистых монет.

Вскоре Питер как-то быстро начинает собираться домой. Попрошавшись, он направляется к калитке, и случайно ро-няет два фунта. Смущается, быстро поднимает их и убегает.

Это кажется мне странным. Я прошу Лёшу проверить его шкатулку. Она оказывается пуста.

Я спрашиваю сына:

– А где твои монетки?

– Я не брал, – он грустно поджимает губы и разводит руками.

– Ты уверен, что не потратил их?

– Нет, мама! Еще вчера вечером я открывал шкатулку и смотрел на них.

Моя ты прелесть! Не видел их, а смотрел на них! Вот что

⁴ Русский, убирайся вон!

делают деньги с детьми.

Значит, фунты взял Питер.

Я решаю пойти к Гейл и поговорить с ней. Но неизвестно, получится ли разговор. Даже на родном языке было бы трудно говорить. Ситуация сложная и очень щекотливая.

Я иду вместе с Лёшей. Увидев нас, Гейл удивляется, но тут же приглашает в дом. Как можно короче и тщательно подбирая слова, я стараюсь объяснить ей, что произошло. Надо отдать должное этой молодой англичанке, воспитывающей троих детей от разных бойфрендов, которая пытается и выжить, и найти счастье в жизни. Она ведь могла просто извиниться и сказать, что ничего не знает. Но она приглашает нас в дом, внимательно выслушивает и зовет Питера. Он все отрицает, но видно, что он врет. После этого Гейл тем более может запросто сделать вид, что поверила ему. Подумаешь, пришла какая-то русская и обвиняет ее сына в краже. Но она так не поступает! Она обыскивает его карманы и находит конфеты.

– Где ты взял эти конфеты? – строго спрашивает она.

– Купил в магазине.

– Но у тебя же не было денег!

– Я нашел два фунта возле Лёшиной калитки.

– Не ври мне, Питер! Ты взял эти деньги у своего друга без спроса и купил на них конфеты. Где оставшиеся четыре фунта? Я все равно найду, – с угрозой в голосе произносит Гейл. – Я сейчас буду искать в твоей комнате.

Мы вчетвером поднимаемся на второй этаж в комнату Питера. Разве тут можно что-то найти? Обычный английский беспорядок. Гейл начинает выдвигать все ящики и перекладывать вещи. Но чем ближе она подбирается к тому месту, где Питер спрятал деньги, тем больше он нервничает. Это как игра «горячо-холодно».

– Говори, где ты их спрятал?

Когда она подходит к шкафу, Питер перекрывает ей дорогу и хватает ее за руки. И тут терпение ее лопается. Она с силой отталкивает его и начинает вываливать все из шкафа на пол. Питер громко плачет и кричит:

– Нет, мамочка, нет!

Я чувствую себя отвратительно. Мне становится жалко Питера. Я виню себя в том, что все это затеяла. А если Гейл не найдет эти шесть фунтов?

Уже все вещи из шкафа валяются на полу, а деньги не найдены. Питер рыдает. Лёша стоит сконфуженный. В соседней комнате плачет младенец. Восемилетняя сестра Питера возле двери забивается в угол, как испуганная мышь. Но по реакции сына Гейл понимает, что деньги где-то здесь. Но где? Ведь шкаф уже пуст. Тогда она резким движением отталкивает шкаф от стены, и, я вижу, что в самом углу, у стенки на полу, лежат четыре монеты.

Гейл поднимает деньги и протягивает их мне со словами:

– Извините его, пожалуйста. Он поступил плохо. Идемте вниз, я провожу вас и отдам еще два фунта.

Несмотря на свою правоту, я готова провалиться сквозь землю.

– Не волнуйтесь... Не надо... Как-нибудь в другой раз, – я хочу поскорее уйти.

Но Гейл твердо говорит:

– Это ваши деньги, возьмите.

Так Лёша потерял своего первого английского друга.

Мы молча идем домой. Я думаю, что для Лёши это тоже хороший урок. И вдруг он нарушает молчание и говорит:

– Знаешь, мама, я больше не буду держать шкатулку с деньгами на видном месте.

Дары моря

Теперь мы живем возле моря. Пройдешь вниз по улице метров двести, и открывается чудный в солнечную погоду вид на небольшой залив с пляжем Viking Bay – бухту Викингов. Впереди до самого горизонта расстилается утомленное вечным движением море.

Эй, море, я люблю тебя!

Я захожу в море и пробую на вкус морскую воду. Она мутная и изрядно соленая. Ну, точно – огуречный рассол.

Где-то там, за линией горизонта, Франция. Она очень близко. Местные жители говорят, что в ясную погоду можно видеть французское побережье. Я смотрю, и мне кажется,

что я его вижу.

Настоящие штормы здесь бывают редко. Здесь другое своеобразие – приливы и отливы. Чтобы это понять, их надо увидеть. Меня особенно поражает метаморфоза берега на отливе.

Убывающая вода будто просачивается в песок и стекает вниз в море. Она отступает метров на сто – сто пятьдесят, оголяя все неровности дна. Лодки оседают на песок и укладываются на бок. На поверхности оказываются большие пористые валуны, черные и белые камни. Часто камни уходят глубоко в песок. Сверху они округло плоские, поросшие водорослями, как увязшие в песке чудища с неряшливо прилизанными волосами. Среди камней кое-где остается вода, образуя небольшие бассейны. В них плавают мелкая беспечная рыбешка, застигнутая врасплох быстрым оттоком воды.

Во время прилива каждая последующая волна, накатываясь на берег, захватывает на несколько сантиметров суши больше. Это особенно заметно, когда я становлюсь на песке недалеко от края воды – через несколько минут мои ноги оказываются мокрыми.

Оказывается, прилив может быть и опасен. Английское побережье со стороны Ла Манша – это, в основном, белые скалы высотой до пятидесяти метров. Вода прибывает достаточно быстро, и люди, гуляющие берегом на отливе в тех местах, где скалы подходят близко к морю, могут быть застигнуты приливной волной. Если не поспешить, тут можно

промочить не только ноги. Когда море отступает, на обнаженном дне часто обнаруживаются покореженные велосипеды, брошенные владельцами, потому что бегом по воде или вплавь уже быстрее, чем на велосипеде.

В английском языке приливы и отливы называются одним словом – tides, и в этом имеется своя логика. Есть только маленькая поправка: high tide – прилив и low tide – отлив.

Эти приливы и отливы – явление совершенно уникальное. Они будоражат мое любопытство. Мне интересно узнать о них как можно больше, и я иду в местную библиотеку, чтобы почитать об их природе.

Оказывается, на нашей планете они везде разные. Их высота зависит не только от Луны, но и от Солнца, рельефа дна, течения и некоторых других обстоятельств. Случается даже, что на одной стороне пролива приливы могут быть высотой в пять метров, а на другой – всего метр.

Этот процесс занимает двенадцать часов двадцать пять минут. Шесть с небольшим идет отлив. Затем, дойдя до какого-то уровня, назначенного природой, движение воды резко меняет свое направление на противоположное, и вода начинает прибывать. Теперь больше шести часов море наступает на берег.

Вот в таком ритме все это у нас в Бродстеирсе и происходит. Но время высокой и низкой воды все время сдвигается. А если нужно знать точно, где будет вода через несколько дней? Все предусмотрено – специальная служба составляет

расписание приливов и вывешивает его на пирсе.

Как только море отступает, на берегу появляются люди. Одни просто гуляют, другие ходят с металлическими сетками и что-то собирают. Вскоре я узнаю, что они собирают морских улиток. Это такой же бизнес, как рыбная ловля. Свой улов собиратели улиток продают в местные рестораны.

Прогулки на отливе меня завораживают. Вот она, морская пучина, у меня под ногами. Я брожу по морскому дну или по суше, которая скоро станет дном моря.

Часто мы видим людей, которые, наклонившись, что-то рассматривают в камнях, на песке, значит, там есть что-то любопытное. В Англии многие что-то ищут. После летних выходных на пляже оказывается целый десант мужиков с металлоискателями. Они прочесывают весь пляж и иногда кое-что находят в песке. Но что? Оказывается, всего-навсего мелочь, которую иногда теряют отдыхающие.

Каждый раз, когда время отлива совпадает с концом уроков в школе, и погода позволяет, мы с Лёшей отправляемся на берег моря гулять. Перескакивать по мокрым скользким камням непросто, да и песок в некоторых местах болотистый, мягкий. Мы тоже часто останавливаемся, что-то рассматриваем. Лёшка прокладывает каналы в песке и смотрит, как оставшаяся в лужах вода стекает в море. Мы бродим по берегу иногда до тех пор, пока прибывающая вода не гонит нас домой. В шестом классе английской школы домашних заданий почти нет, и свободного времени достаточ-

но. Настоящие занятия начнутся позже. Тогда, когда дети с мамами уже не гуляют.

Однажды во время одной из таких прогулок мы все-таки находим кое-что интересное: среди камней наполовину в воде лежит небольшая металлическая шкатулка. Из открытого ларчика, отделанного резьбой, вывалились на песок спутанные между собой ювелирные украшения. Почти сундук с сокровищами, только раз в сто меньше.

– Вот это да! – Лёшка просто обалдевает от такой находки.

Мое воображение тоже разыгралось. Это же целое приключение!

Мы осторожно поднимаем ларчик, внимательно осматриваем место вокруг и находим еще пару вещиц. Да это настоящий улов! Возбужденные и взбудораженные, мы несем находку домой.

Дома мы располагаемся на кухне и вываливаем все содержимое шкатулки на стол. Даже неопытным взглядом видно, что это бижутерия. Все мокрое, в песке, и морская вода уже разъела некоторые вещицы. Итак, ничего ценного. Но бижутерия старая, возможно, 50-х годов. Несколько простеньких брошек, бусы и какието британские значки и знаки отличия. Сама шкатулка тоже не представляет собой ничего ценного. Судя по всему, она пролежала в воде довольно долго. Но как она туда попала?

Мы строим разные догадки. Сразу отбрасываем версию, что кто-то все это потерял. Глупо гулять по берегу с такой

шкатулкой. Приходим к выводу, что ее украли. Не нашли ничего ценного или все ценное забрали, а остальное выбросили в море. А куда еще? Ближайший прилив – и все будет навеки похоронено на дне морском. Но подводные течения непредсказуемы, и неожиданно на одном из отливов все оказывается снова на берегу. Наш папа тоже одобряет эту версию.

Мы все моем, высушиваем, радуемся находке еще несколько дней, но понимаем, что лучше найти владельца. Раз это чье-то, то кому-то дорого, значит, надо шкатулку вернуть. Единственное правильное решение – отнести в полицию.

«Честная, – ехидничает мое супер-эго. – А если бы это были драгоценности?» Хороший вопрос...

Полицейский участок находится в центре нашего городка на Хай-стрит. Это маленький офис, открытый, как и все остальное в нашей деревне, только днем.

Мы с Лёшей объясняем дежурному полицейскому цель нашего визита и показываем шкатулку. Полицейский смотрит на нас удивленно и с недоумением. Где-то в глубине души я ожидала если не благодарности, то хотя бы одобрения наших действий. И ни намека на это. Мы просто прибавили ему работы. Он объясняет, что поместит эту шкатулку в сейф, и она будет находиться в полиции до тех пор, пока не найдется владелец. Полиция даст объявление о находке в местную газету. А через шесть месяцев, если никто не от-

кликнется, шкатулка наша.

Собственно говоря, так и случилось. Через полгода шкатулка со всем ее неприхотливым содержимым снова оказывается у нас дома, но совесть наша чиста.

После этой истории, гуляя на отливе, мы еще тщательнее смотрим под ноги. Чем черт не шутит?

Как-то раз мое внимание привлекают останки какой-то большой рыбы. Я начинаю присматриваться и понимаю, что это вовсе не рыба. У этого существа череп с клыкастой челюстью, не рыбий позвоночник, но, кажется, есть остатки плавников.

Проходящие мимо англичане тоже останавливаются и с интересом рассматривают нашу находку. Никто не знает, кому может принадлежать этот скелет.

Мое воображение рисует древних ящеров. Маленькое лохнесское чудовище размером чуть больше метра, обитавшее возле бродстеирского берега.

Но скорее всего, это небольшой тюлень, останки которого выбросило приливом на берег, и через несколько часов они будут навсегда похоронены под водой...

Мы продолжаем гулять на отливе. В один из дней наше любопытство награждается еще одним необычным предметом. Лёша находит какую-то заржавелую металлическую штучковину, по форме напоминающую эскимо на палочке, только раза в три больше.

Что-то мне подсказывает, что это ручная граната. Я пони-

маю, что трогать ее нельзя. Но начинается прилив, и она может снова оказаться под водой, а это тоже опасно. Я прошу Лёшу отойти как можно дальше, а сама осторожно переношу железяку метров на двадцать ближе к берегу. Да, опасно, но уже сделала. Хорошо, что ничего не произошло. Снаряд продолжает мирно лежать на песке, а так хочется взять его и запустить обратно в море, чтобы еще и взорвался – боже, что я несу...

И тут мой одиннадцатилетний сын проявляет удивительную для меня бдительность и инициативу: он вызывается позвонить в спасательную службу. Оказывается, их в школе учили, как надо действовать в подобных случаях. И Лёшка бежит к ближайшему телефону автомату.

В службе спасения его просят вернуться обратно на место, где лежит граната, и ждать приезда спасателей. Но есть особое поручение: с безопасного расстояния следить за тем, чтобы ее никто не трогал.

Бригада спасателей приезжает через 10 минут и полосатой лентой огораживает песок вокруг снаряда в радиусе примерно пятнадцати метров. Нас спрашивают, как мы нашли этот предмет, записывают наши фамилии, домашний адрес и благодарят. В этот раз нас точно благодарят.

Сотрудник службы говорит, что это действительно противотанковая граната времен второй мировой войны. Да, подобные находки до сих пор случаются...

Лёшка несказанно горд. Рассказывает эту историю в шко-

ле, его хвалят. Но он ждет большего. В последующие дни он просматривает сообщения в местной газете в разделе «Присшествия», ожидая, что об этом случае напишут хоть две строчки.

Но ничего нет. Это такой незначительный инцидент. Но Лёша твердо уверен: это потому что я русский. Об англичанке бы написали.

Уроки английского

Здесь все другое. Другие звуки и запахи. Они будоражат кровь и возбуждают сознание.

Обалденно пахнет едой, причем почти отовсюду. В витринах маленьких кафешек – аппетитные булочки, яблочные пироги, чизкейки. И все это тает во рту и оставляет приятное послевкусие.

Каждое утро начинается с непонятного жужжащего звука. Я выглядываю из окна и понимаю, что это едет маленький электромобиль, который развозит молоко по домам. Пустые бутылки, выставленные за дверь у порога, забирают и оставляют наполненные молоком.

Слышны чужие звуки непонятной речи. Двери домов хлопают неродным гулким звуком.

Немного позже оживает дорога. И гул моторов тоже другой.

В супермаркетах все взвешивают в фунтах и в каких-то

quoters – квотерс. Никак не могу понять, сколько это. Наконец кто-то объясняет, что это четверть фунта. Ну почему все не как у людей?

Руль в машинах справа, движение на дорогах левостороннее.

Штекеры в электроприборах с тремя пальчиками, а розетки можно включить и выключить.

Это полностью другой мир с другими законами и другими отношениями. И я к нему понемногу привыкаю.

И учусь, учусь каждый день всему, и в первую очередь, английскому.

С английским не все так просто. Я изучаю его всю жизнь, а он у меня мертвый. Нет, скорее, в состоянии анабиоза. Но вот сейчас он начинает пробуждаться и оживать. Теперь я хорошо запоминаю не только новые слова, но помню, как знакоюсь почти с каждым из них. Я люблю эти знакомства, и когда произношу выученное таким способом слово, вспоминаю первое с ним рандеву...

Я вдыхаю бодрящий воздух Северного моря и повторяю мое первое живое слово ferry – паром. Оно оказывается огромным и белым с надписью Stena Line на выпуклом глянцевого боку. Многочисленные огни и подсветка подчеркивают его нарядную элегантность в темноте ночной бухты Хук-Ван-Холланда. Я никак не могу поверить, что это и есть паром, и если я не увидела что-то вроде деревянного плота, то пытаюсь разглядеть хотя бы канаты, которые будут перетя-

гивать его через пролив Па-де-Кале.

На пароме врежется в память длинное слово *inconvenience* – неудобство. В умывальнике два крана в разных углах – один с горячей водой, другой с холодной. Это уже Англия! Чтобы помыть руки, надо закрыть сток пробкой, набрать воды в раковину, намылить руки и ополоснуть их в этой воде. Но этот механизм я узнаю позже. А пока мучаюсь, поочередно подставляя руки то под кипяток, то под ледяную струю.

Однако мне нравится этот громадный плавучий дом с магазинами, ресторанами, кафе, уютными холлами, и я запоминаю еще одно слово – *happy*⁵.

Рано утром мы прибываем в Гарвиш, а оттуда поездом в Лондон на Ливерпуль station⁶ – уроки английского продолжаются.

Белый блестящий пол, бесшумно прибывающие поезда где-то вдалеке за огромным табло, непонятные объявления на чужом языке, наполняющие воздух, как музыкой, и мягким эхом отзывающиеся под прозрачными сводами здания. И это вокзал?!

Вокруг торопливо идут мужчины в галстуках, темных деловых костюмах, с портфелями. Элегантно одетые англичанки легко постукивают каблучками по белому сияющему полу. И мы...

⁵ Счастливый, счастливая.

⁶ Вокзал.

Нас трое: я с Андреем и его друг Хомяков. Мы будто в середине прозрачного стеклянного аквариума. Мы в турецких джинсовых костюмах с неуклюжими чемоданами, как три экзотические рыбки со стеклянными глазами, выпученными от удивления и трех бессонных ночей путешествия через пол-Европы. Это наш первый приезд в Англию. Мы выпадаем из общего ритма и состояния. Мы – из Советского Союза...

Мы тщетно ищем глазами нашего друга Джона. Он обещал нас встретить, но его нет. Я еще верю в английскую обязательность – миф номер один. Но позже оказывается, что Джон в это время сладко спит, и миф номер один развеивается, как английский туман. Кстати, миф номер два. Туманы в Лондоне со времен Чарльза Диккенса – явление редкое.

– Надо позвонить Джону, – говорит мой муж и показывает указательным пальцем на меня.

Конечно, я, кто же еще. Ты же английского совсем не знаешь. А Хомякова будто заклинило: сойдя с парома, он на все реагирует одним немецким словом «натюрлих».

Мы собираем по карманам мелочь и направляемся к телефону-автомату. Здесь главное осмотр, как у врача, чтобы понять, что к чему.

Итак, автомат принимает монеты в 10 пенсов. Я нахожу отверстие – slot, попутно запоминаю его английское название, бросаю монетку и набираю номер.

Когда я слышу мужской голос на другом конце провода,

то радостно кричу:

– Джон, это я, Лена из Киева. Мы приехали!

Мужской голос на том конце провода продолжает что-то говорить, совершенно не реагируя на мои слова. Андрей под-
сказывает:

– Может, надо нажать какую-то кнопку, а то он тебя не слышит?

– Натюрлих, – одобряет Хомяков.

Кнопку мы не находим, а голос тем временем умолкает. Затем раздается небольшой гудок – и тишина. Я вешаю трубку.

Мы проверяем номер – все верно. И я снова в непривычной для себя последовательности аккуратно нажимаю на эти десять цифр.

Опять тот же голос, но между своими криками на этот раз я улавливаю, что он произносит имя Джон.

После третьего звонка, посоветовавшись, мы приходим к выводу, что Джона нет, и мне отвечает его товарищ. Ну, а после пятого, я, наконец, понимаю, что разговариваю с автоответчиком и выучиваю новое слово *answer machine*⁷.

– Ты знаешь, а ведь он говорил мне, что живет где-то недалеко от этого вокзала, – вспоминает Андрей. – А что если мы оставим чемоданы в камере хранения и подьем к нему?

– Натюрлих, – одобряет Хомяков.

Мы бегаем по вокзалу, но камеру хранения не находим –

⁷ Автоответчик.

ее здесь просто нет. Что же делать? Тогда в голову приходит спасительная мысль: надо попросить оставить вещи в одном из офисов, которых тут на вокзале полно.

Я захожу в первый попавшийся офис и с трудом строю сложную английскую фразу:

– Нельзя ли на часок оставить у вас наши чемоданы? Нас, к сожалению, никто не встретил...

Улыбка мгновенно исчезает с лица немолодой англичанки. Она даже не дает мне закончить и решительно машет рукой:

– No, no!

Как позже выясняется, с этим делом у них очень строго. В оставленном багаже может быть бомба. Наш вид не внушает доверия.

Ну ладно, мы решаем ехать с вещами. Я вижу знакомое – наконец-то! – слово taxi, и следуя за указателем, мы приходим к целой веренице черных машин такси. Эти старомодные авто и есть почтенные английские кэбы.

Почесывая затылок, Андрей несколько секунд изучает адрес Джона и с немым вопросом подсовывает его мне, видимо, как эксперту.

Я читаю: 100 Tornhill Point, London⁸ и код. Все ясно, сто – номер дома, Tornhill Point – название улицы. Я протягиваю адрес первому в очереди таксисту. Мы грузим чемоданы, садимся и едем по совершенно незнакомому городу.

⁸ Торнхилл пойнт, Лондон.

Ехать действительно недалеко. Минут через десять таксист подвозит нас к двум стоящим рядом многоэтажным домам и говорит, что дом слева это и есть Tornhill Point.

Получается, что улицы в адресе вообще нет. А Tornhill Point – название дома. О'кей, а номер квартиры?

– Натюрлих, – постукивает себя пальцем по лбу Хомяков. – Сто и есть номер квартиры.

И он оказывается прав.

Так началось наше первое путешествие в Англию. Затем следуют другие поездки, и я запоминаю новые слова: account – счет в банке, party – вечеринка, champagne – шампанское, art – искусство, work permit – разрешение на работу...

Что знала я тогда об этой стране? Да ничего.

Каждый следующий приезд в Лондон – это мощный выброс адреналина. Этот город поражает своей непохожестью на все то, что я привыкла видеть до этого. Это другая архитектура, часто хаотическое нагромождение улиц, огромное число людей. Мне кажется, что здесь невозможно ориентироваться. Голова идет кругом в прямом и в переносном смысле. В витринах все сверкает, все вымыто и начищено до блеска. И люди одеты совершенно иначе. Не то чтобы модно, нет, это не то слово. С шиком!

И все же, я не вижу себя здесь. Этот город чужой, дорогой и непонятный.

Это ощущение неприятия и тоски возникает однажды, когда я вынуждена остаться здесь на три недели, и не покидает

меня в Лондоне уже никогда.

И когда мы попадаем в Бродстеирс, то решаем, что это то, что нам нужно. Тут спокойно, тихо, размеренно. Все близко и относительно просто. И главное – недвижимость дешевле.

Но главное оказывается не в этом. Главное, провинция – она и есть провинция...

Газон вокруг нашего бродстеирского дома весь зарос травой и сорняками. Я надеваю перчатки, беру мешок для мусора, выхожу в палисадник и начинаю прополку.

Через несколько минут появляется наша соседка снизу.

– Что происходит? – строго говорит она.

– Я пытаюсь избавиться от сорняков, – отчитываюсь я, как школьница, а сама жалею, что не могу ей сказать по-русски!

– I am a widow⁹, – говорит она с чувством оскорбленного достоинства.

Это новое слово в моем лексиконе. Я ничего не понимаю. Кажется, widow по-английски – вдова. Любопытно, какое это имеет отношение к газону?

Как можно мягче говорю ей:

– Ну так что?

– Это не ваш газон. Вы купили только квартиру. Без газона.

Это уже интересно. Адвокат говорил, что квартира продается с газоном.

⁹ Я вдова.

Я звоню Джеймсу. Он обещает посмотреть в документах. Уже к вечеру он сообщает, что таки да: квартира нами куплена без газона.

Еще один урок. Даже на английских адвокатов не стоит полагаться. Все документы надо проверять и вычитывать самим.

На следующий день в палисаднике появляется садовник. Он работает весь день, и поверхность газона обретает необходимую бархатистость. А еще через день в саду поселяются гномы. Разумеется, их семеро. А восьмая крашенная глиняная фигурка – это Белоснежка. Они проживут там целый год. В одно прекрасное утро их не станет.

Вдова рыдает:

– Гномов украли!

– Мои соболезнования!

Я не могу поверить. Любопытно, кому они понадобились?

Я ожидаю новый керамический ансамбль, но, к счастью, его не случилось.

Я устаю от английского. Смотреть в словаре каждое незнакомое слово невозможно. Их слишком много. Они не запоминаются. Мое эго расслабляется. Но я продолжаю изучать все вокруг.

В магазине косметики и лекарств я рассматриваю на полке разные медицинские препараты. Наталкиваюсь взглядом на незнакомое название: laxative. Читаю инструкцию: реше-

ние всех ваших проблем, чувство бодрости целый день, избавление от нервозности и хороший сон...

Дома, между прочим, говорю Андрею, что видела в магазине интересное лекарство, и перечисляю эффекты от его приема.

– Да ты что! Это же то, что мне нужно. Я когда-то слышал, что подобное средство есть у японцев. Что ж ты сразу не купила?

– Ну, я же не знала, что тебе это нужно.

– А то ты сама не видишь. Ну, конечно же, нужно! Я нервный, вялый, плохо сплю, и сплошные проблемы... А сколько оно стоит?

– Да недорого – 3,85.

– А где ты его видела?

Я подробно объясняю, и Андрей немедленно идет сам покупать чудодейственное средство.

Вечером раскрывает упаковку, а вместо таблеток— малюсенькие шоколадки. Андрей берет одну шоколадку в рот и от блаженства расплывается в счастливой улыбке:

– Ну, надо же – не таблетки, а шоколадки. Вот это качество!

На следующий день утром ровно в семь часов вместо обычных десяти мой муж уже на ногах.

– Слушай, – говорит, – а ведь действует, черт возьми! Так бодро себя чувствую. Спал отлично. В полседьмого проснулся, встал, как огурчик. Спать уже не хочется. Просто здоро-

во!

И целый день в хорошем настроении. Моему удивлению нет предела. Может, и самой принять?

– Слушай, я, наверно, тоже приму.

– Э нет, – Андрей слегка покачивает указательным пальцем. – Это мое лекарство. Тебе, если надо, то пойди и купи.

– Так это же я его нашла.

– Правильно. Но купил я. Себе.

Черт с тобой, никуда я, конечно, не пойду.

Вечером Андрей достает свое лекарство и снова принимает одну шоколадку.

На следующий день я просыпаюсь, а он, оказывается, уже давно встал. Настроение хорошее, бодрое. Ходит по квартире, курит, картины переставляет. Но появилась некоторая озабоченность.

– Слушай, я, наверно, что-то съел позавчера не то. В туалет часто хожу.

Я пожимаю плечами.

– А что не то? Вроде, все свежее было...

– Ну да, ну да... Ладно, это я так, просто.

На третий день история повторяется. Я не узнаю своего мужа. Он, можно сказать, даже весел. Но часто бегает в туалет. И озабоченность нарастает.

Днем, часа в три, говорит:

– Слушай, может, у этого лекарства есть побочное действие? Там в инструкции ничего об этом не написано?

Я бегло перечитываю инструкцию.

– Да нет, без побочных эффектов.

– А ты все правильно перевела? А название?

– Ну, название же не переводится.

– Да, верно...

Но мне уже не дает покоя это название. Я достаю толстый словарь Мюллера и ищу слово laxative. Листаю страницы: lawnny, lawyer, lax, laxative – слабительное... Блин! Классика жанра! Это слово запоминается навсегда!

Как же мне Андрею это сказать? Ну, ничего не поделаешь. Придется повиниться. Иду к нему и рассказываю, что нашла перевод этого слова.

– Да ты что! А я-то думаю, что я третий день подряд из туалета не вылезаю. Ну, признайся, ты мне его нарочно подсунула?

–...?

– Теперь можешь его принимать. Оно твое.

No comments¹⁰.

Андрей тоже учит английский язык, но у него свой способ. Он считает, что он как ребенок, может все запомнить на слух, не записывая, не переводя и не занимаясь. Через некоторое время он понимает, что так невозможно, и придумывает для себя новую методику. Он начинает повторять одно слово много раз в течение дня. Арифметика у него простая.

¹⁰ Без комментариев.

Если каждый день учить по одному слову, то за год можно выучить 365 слов, что очень неплохо.

Он спрашивает у меня, как будет по-английски «здание». Я несколько раз произношу слово «билдинг». Он повторяет за мной, и пока все в порядке. Затем идет в свою студию писать, продолжает повторять, но к концу дня «билдинг» у него почему-то превращается в «балдинг».

Я говорю, что он неправильно выучил.

– Как неправильно? – возмущается он. – Ты мне так сказала!

– Я не могла тебе так сказать. Ты неправильно запомнил. Потому что надо было записать и повторять по листочку.

– Как же так? – он ничего не понимает, но пока не сдается.

На следующий день «чёч» – церковь, превращается в «пёч», «респонсбилити» – ответственность, в «респобилити», «хоспиталити» – гостеприимность, в «хосмалити», и так далее.

– Как же ты так учишь, что все неправильно запоминаешь?

– Ну, как, как, повторяю. Вот скажи какое-нибудь слово, только несложное.

– Хорошо. Вот «фрейм» – рама, например.

Он при мне произносит это слово несколько раз. Затем начинает ходить по комнате, повторяя его, спотыкается о ковер, чертыхается, и я слышу, что он произносит уже «фрем» вместо «фрейм».

– Подожди, ты же уже неправильно повторяешь.

– Как неправильно? Ты так сказала – фрем.

– Не фрем. А фрейм.

– А я разве не так говорю? Все, стоп. Больше я так не учу.

О'кей, надо попробовать курсы.

После небольшой паузы Андрей записывается в Бродстерсе на бесплатные курсы английского для иностранцев. Воодушевленно ходит туда три недели. И когда преподаватель говорит, что теперь они начнут строить предложения, он по какой-то причине пропускает пару уроков, а затем и вовсе перестает посещать занятия. Я негодную, ругаюсь, но все напрасно. С изучением английского языка покончено навсегда.

Ну что ж, наверно, каждому свое. Вложить ему в голову свой английский я не могу. Приходится все переводить. Но теперь у Андрея новая доктрина: я как умная собака – по глазам понимаю.

Через несколько лет он признается, что такое отношение к английскому было самой большой ошибкой в его жизни. Но это будет уже без меня...

А я продолжаю грызть гранит науки. Но мне для полного счастья не хватает слова *antediluvian* – допотопный. Зачем мне это слово? А вот так, захотелось. Это для меня уже высший пилотаж. Я учу его семь дней. Но зато запоминаю на всю оставшуюся жизнь.

Люди, учите английский!

Ира

Во времена «перестройки» у Андрея появляется знакомый в Париже. Он бывший наш соотечественник. До Франции он жил в Киеве, а в Париж попал в начале восьмидесятых, женившись на француженке. Потом развелся, потом... Там много чего потом. Он еще та «темная лошадка». И имя у него необычное, запоминающееся – Гия.

В Париже Гия оканчивает Луврскую школу изящных искусств и начинает заниматься арт-бизнесом. А тут как раз эпоха Горбачева – и на Западе сумасшедший спрос на советскую живопись. Бизнес прост: Гия покупает работы в Союзе и вывозит их в Париж. Кстати, именно с его легкой руки работы многих отечественных художников впервые появились в парижских галереях и на французских аукционах.

Это было время, когда только ленивый арт-дилер не занимался советским соцреализмом. Но всему приходит конец, и в середине девяностых, когда это увлечение в Париже угасает, Гия начинает возить работы в Лондон, где интерес к русской живописи еще теплится.

Обычно он отправляется из Парижа в Кале, оттуда на пароме в Дувр, и иногда перед Лондоном заезжает к нам в Бродстеирс. Просит Андрея натянуть на подрамник какой-нибудь холст, что-то подреставрировать, или оставляет несколько работ на хранение. Но Андрей этого не любит –

ему кажется, что его используют.

Вскоре круг интересов Гии расширяется – во Франции бум на русских моделей. И Гия начинает возить в Париж живой товар – красивых высоких девушек из Москвы и Киева. Но к нам это не имело никакого отношения, если бы в наш дом не попала Ира.

Ира оказывается тем живым товаром, на который переключился Гия. Несмотря на то, что она предназначена для Парижа, Гия привозит ее вначале в Англию. Английскую визу получить было проще, поэтому первым пунктом назначения становится Лондон.

Гия действует по выработанной им самим схеме. В Лондоне во французском посольстве он собирается открыть Ире визу во Францию, как своей невесте. Ну, а с получением визы путь в Париж открыт. Но прежде чем обратиться за визой, ему приходится по каким-то делам срочно вернуться в Париж. По дороге в Дувр он заезжает к нам в Бродстеирс и просит Андрея дней на пять оставить у нас девушку Иру.

Вот он, поворот судьбы. Но кто ж об этом знал?

Стройная как газель, светловолосая красавица оказывается нашей соседкой по Киеву. Я вижу правильные черты лица, выразительные серые глаза, аккуратный носик. Кисти ее рук кажутся мне несколько великоватыми, но при ее росте метр восемьдесят три это, наверно, неплохо. Она естественна в обращении, хотя немного скованна. Как-никак она вынуждена остаться в доме у незнакомых людей, пусть даже и

соотечественников.

На нее вообще слишком много всего обрушивается в последние дни ноября 1994 года. С ней знакомится француз, говорящий на чистом русском языке. У него необычное имя Гия. Он заморачивает ей голову карьерой модели в Париже. Она недолго думая соглашается и через несколько дней впервые попадает за границу. Все так быстро и неожиданно, что молодая девушка не в состоянии осмыслить и переварить, что произошло. А в Киеве у нее остались мама и младшая сестра. Но главное, она становится совершенно беззащитной и уязвимой.

Условия, на которых наш француз ее вывез, просто кабальные. Она практически попадает к нему в рабство. С другой стороны, это шанс вырваться из нищеты. И она этим воспользовалась.

Однако через пару дней первоначальная решимость Иры попытать счастья в Париже постепенно улетучивается. И мой муж прикладывает к этому свои усилия.

Андрей излагает ей все за и против.

Ей уже двадцать четыре, и начинать карьеру модели в этом возрасте несколько поздно.

– А я скажу, что мне восемнадцать, – отвечает Ира.

– Сказать-то ты можешь, но кто ж тебе поверит, – продолжает гнуть свою линию Андрей. – Есть же еще паспорт. Шансов, что тебя возьмут, не так много. Если не получится зацепиться в модельном бизнесе, то надо будет чем-то зара-

батывать себе на жизнь. Ведь Гия тебя так просто не отпустит. Ты же понимаешь, что должна отработать те деньги, которые он на тебя потратил. Мытьем посуды долгов не отдашь, следовательно, дорога одна – в проституцию.

Но зачем Андрей все это ей объясняет, какую игру он ведет? И вообще, какое ему дело до какой-то Иры, случайно попавшей к нам в дом?

Ира притихла. Видно, что она ищет выход, но не знает его. И тут Андрей предлагает ей неожиданное решение – остаться в Англии, то есть попросить убежища у английских властей. Он сам толком не знает, как это провернуть. Но в случае положительного решения, это реальная возможность официально начать новую жизнь.

– А как же Гия?

– Да забудь ты про Гию. О себе подумай. С ним вопрос потом решим. Если ты тут официально останешься, то у тебя будет шанс забрать сюда свою мать и сестру.

Последние слова оказывают на Иру решающее действие.

– Лена, звони Джону, – распоряжается Андрей. – Джон подскажет, как действовать.

Я звоню Джону. Тому самому Джону, который в наш первый приезд в Лондон не встретил нас на вокзале. И действительно, часто имеющий дело с русскими, Джон хорошо знает, как сдаваться английским властям в Хоум Офисе. Главное, иметь обоснованную убедительную причину, из-за которой Ира не может вернуться в Киев.

– О'кей, приезжайте ко мне в Лондон. Паспорт не забудьте. А завтра рано утром поедете в Хоум Офис.

Андрей дает Ире ручку, бумагу, и мы вместе сочиняем письмо от ее имени для Хоум Офиса:

«Тому, кого это касается.

Я, Ирина С., прошу защиты у правительства Соединенного Королевства в связи с тем, что имеется реальная угроза моей жизни.

В городе Киеве, Украина, откуда я родом, я работала в модельном бизнесе, который принадлежит криминальному авторитету. Гражданин Франции Гия К. вступил в преступный сговор с моим боссом. Он заплатил ему крупную сумму денег за то, чтобы мой босс посредством обмана завладел моим паспортом и передал его Гие К. После этого Гия К. от моего имени без моего на то согласия заявил на визу в Соединенное Королевство. После получения визы путем угроз и шантажа он вынудил меня уехать с ним в Лондон для нелегальной работы в модельном агентстве.

Вчера ночью мне удалось убежать из квартиры в Лондоне, в которой держал меня Гия К. В настоящий момент у меня нет никакой возможности без риска для моей жизни вернуться в Киев, потому что там меня ожидает расправа, и никто не может поручиться, что в этой ситуации я останусь жива.

Убедительно прошу дать мне временное убежище в Со-единенном Королевстве.

С уважением, Ирина С.»

В тот же день мы садимся на поезд и отправляемся в Лондон к Джону. Он встречает нас возле станции метро, и мы едем к нему домой в хорошо знакомый мне Tornhill Point.

В квартире Джона ничего не изменилось с тех пор, как я последний раз была здесь.

Все так же дует из окна в кухне, мешок с мусором стоит в коридоре, и в мойке полно грязной посуды.

Мы садимся пить чай. Я подробно рассказываю Джону историю Иры. Он читает составленное нами письмо и дает пару советов. Вскоре мы отправляемся спать, потому что утром нам надо рано вставать.

В спальне, где располагаемся мы с Ирой, очень холодно – Джон только что включил батарею. Обычный английский дом: если в комнате никто не живет, ее не надо отапливать.

Я никак не могу ни согреться, ни уснуть. Наконец засыпаю, но вскоре звонит будильник, и надо подниматься.

Без четверти семь мы подходим к Хоум Офису. Там на улице уже целая толпа людей. Кого тут только нет. Толпа пестрит разноцветными лицами и одеждами. Очередь аккуратно формируется ограничителями и образует компактную змейку. Мы становимся в самый конец. Люди все прибыва-

ют, и вскоре за нами образуется длинный хвост – мы уже в середине. Все ждут начала работы министерства. И когда в девять часов двери открываются, начинается долгожданное движение.

Я захожу вместе с Ирой как переводчик. В большом зале много приемных окон. Мы отрываем талон с номером, садимся – наконец-то можно присесть! – и ждем, когда над освободившимся окном загорится наш номер...

Через полчаса мы уже на улице. Холодный воздух действует ободряюще. Волнение отпускает меня. А я-то чего волновалась? Ира выглядит смятенной, но и ее напряжение уходит. Чиновница в окне, судя по ее лицу и акценту, тоже из эмигрантов, внимательно выслушала и приняла у Иры написанное нами письмо. Затем забрала паспорт, а взамен выдала файл, в котором на бланке Хоум Офиса написано, что теперь Ира С. «эсайлем сикер» – ищущая убежища. Это первый шаг для получения статуса беженца. Теперь Ира под защитой английского государства. У нее даже есть льготы. Ей положено бесплатное жилье, бесплатные курсы английского языка, через полгода можно официально устраиваться на работу. А тем временем глядишь, и статус дадут. Еще предстоит объясниться с Гией. И пока это волнует Иру больше всего.

Спустя два дня он приезжает. Я закрываю дрожащую Иру в нашей спальне. Она получает строгий наказ ничем не выдавать своего присутствия в квартире. И Андрей прямо с порога:

– Как, ты один? А Ира где?

– Не понял...

Разумеется, Гия ничего не понял!

– Я думал, она с тобой.

– Как со мной? Она же осталась у вас. Ничего не понимаю.

Ты можешь объяснить, в чем дело?

– Да ты проходи, что ты в дверях стоишь. – Андрей берет сигарету, прикуривает, затягивается.

У Гии уже лопается терпенье.

– Два дня назад она сказала, что созвонилась с тобой, и ты ждешь ее в Лондоне. И она уехала.

– Как уехала? И ты ей поверил и отпустил? Я же просил никуда ее не выпускать! Вот сука!

Андрей делает виноватый вид:

– А ты что, не знаешь, где она может быть?

– Понятия не имею! Если б знал, я бы эту сволочь из-под земли достал.

Гия в шоке. Он странно вращает глазами, вынимает сигарету из пачки, потом мнет ее и со злостью швыряет на пол.

– Ты это брось, – строго говорит Андрей. – Не сори мне тут. Может, она еще вернется. Ей же идти некуда.

– А может, есть куда. Вот крученая шалава оказалась! Я на нее столько бабок потратил! Ну не могу поверить...

– Да ладно, что ты так переживаешь? Успокойся, как говорят англичане, take it easy¹¹.

¹¹ Не принимай это близко к сердцу.

Гия выпивает кофе, немного приходит в себя и собирается уходить.

– Ну, если появится, я тебя очень прошу, ты же мне сразу дай знать.

– Ну, разумеется, о чем речь. Не волнуйся, сразу тебе сообщу, – заверяет его Андрей.

Когда он покидает наш дом, я жду еще минут пять и выпускаю Иру из спальни.

– Ну все, выходи.

Она ни жива, ни мертва...

До Нового года остается дней двадцать. Сама того не соznавая, Ира вовремя подала документы в Хоум Офис. Уже с первого января правила для наших граждан ужесточили. Документы принимали, но после их рассмотрения в статусе беженца отказывали и заявителя отправляли домой.

Так Ира остается в нашем доме. Она помогает мне готовить, предлагает помощь в уборке, сидит с Андреем у него в мастерской, курит. А он как художник вглядывается в ее лицо и предлагает ей позировать. Ира немного смущается, не понимая, в каком виде. Но когда узнает, что речь идет о портрете, облегченно соглашается. Андрей даже задумывает триптих. Он любит триптихи, начинает писать, но останавливается на одной работе.

Сейчас, мысленно возвращаясь к тому портрету, я думаю, что он получился очень даже неплохим. С холста на меня

смотрела молодая красивая девушка в темном платье, сидевшая в черном офисном кресле. Декоративные цветные квадраты, заполнявшие пустоту фона вокруг ее фигуры, притягивали внимание, создавали ритм и делали портрет современным. Автору он не нравился, чего-то, как всегда, не хватало. А все, что не получалось или не нравилось, со временем записывалось. Стало быть, существование этого портрета изначально было под угрозой. И то, что с ним произошло, возможно, называется выражением «от судьбы не уйдешь».

Через пару месяцев мы с Андреем везем этот портрет в Лондон, чтобы показать одному арт-дилеру. С собой у нас еще несколько работ, часть которых арт-дилер покупает. Остаются только две работы: Ирин портрет и натюрморт. Натюрморт не Андрея, а известного харьковского художника. Цветы в синей вазе с отражением в зеркале. Он просто замечательный, и я довольна, что он не продался.

Удачная сделка приподнимает нам настроение. Мы садимся в поезд на Виктории, чтобы ехать домой, кладем сверху на полку для багажа две картины, завернутые в рулон, и расслабляемся. Да, и еще: в поезде не оказалось кондуктора, и мы доезжаем до своей станции без билетов. Мелочь, но приятно.

Когда же, подъезжая к Бродстеирсу, из окна поезда я вижу на вокзале облаву – в дверях контролеры проверяют билеты, мы выходим из вагона и забываем все на свете. И в первую очередь – рулон с картинами. Черт, нам приходится купить

билеты после поездки – этакий изощренный английский садизм. Но что поделаться...

Мы опомнились только дома. Как всегда, виноват стрелочник, то есть я. Что не проследила. Я срочно звоню в Рамсгейт, на конечную станцию, где после рейса убирают вагоны. К сожалению, рулона с картинами в поезде не нашли.

А дальше – серия догадок. Возможно, кто-то видел, что мы забыли сверток, и забрал его, думая, что там что-то ценное. Затем развернул, разочаровался и просто выбросил холсты в мусорный бак. Вот почему я говорю, что судьба этого портрета была predetermined. Но я до сих пор тешу себя надеждой, что этого не произошло, и картины попали в руки к образованному англичанину. Так что, может быть, они и сегодня висят у кого-то в доме. Интересно, что же все-таки с ними случилось?

А что же Ира? Она почему-то начинает Андрея раздражать. Возможно, он недоволен портретом. А может быть, есть другая причина, которую я не знаю. Он не скрывает своего отношения. Что же все-таки между ними произошло?

Вскоре после Нового года Андрей говорит Ире, что больше мы ей помогать не можем, и она должна устраиваться сама. С другой стороны, рано или поздно это должно было произойти. Ведь не жить ей все время с нами, и шоковая терапия – лучшее решение. Единственное, что я делаю, это нахожу ей приличный отель в Рамсгейте, предоставляющий комна-

ты беженцам. Я помогаю ей перебраться туда и говорю, что она может приходить к нам в гости, когда захочет.

Она приходит всего один раз. Обиделась.

А почему я к ней не прихожу? Хороший вопрос, на который я не знаю ответа.

Позже от знакомых я узнаю, что первое время она живет в отеле затворницей. Потом идет на курсы английского, потом устраивается на работу в паб, а потом уезжает из Рамсгейта в Лондон.

Однажды осенью раздается телефонный звонок.

– Здравствуйте, это Ира. Вы можете купить сегодняшнюю газету The Sunday Times¹².

– А что там? – не понимаю я.

– Там мои фотографии. Я рекламирую одежду.

Она вешает трубку. Я даже не успеваю спросить, как она и где.

Я тут же одеваюсь и иду на Хай-стрит, чтобы купить газету. Разворачиваю и вижу – на целый разворот The Sunday Times в разных нарядах – наша Ира! А внизу подписано: «модель Ирина С.» И это не где-нибудь, а в одной из самых известных газет мира.

Вспоминая эту историю двадцать лет спустя, я до сих пор не могу понять, для чего Андрею все это было нужно. Воз-

¹² «Санди таймс» – воскресная широкоформатная газета, выходящая в Великобритании.

можно, это была замысловатая месть за хитрость Гии, проявленную в отношениях с Андреем в последние годы. Но не слишком ли жестко? Или помогая девушке, с которой пересеклись наши дороги, он просто ограничил предел помощи? Кто знает. Но когда я думаю об Ире, то понимаю, что мы помогли ей начать новую жизнь, и со временем у нее все получилось.

Лет через пять я случайно встречаю ее на вокзале Виктория, когда выхожу из поезда, в котором, как оказалось, мы ехали вместе. Неужели это Ира? Я догоняю ее, но мне кажется, что она заметила меня еще в поезде и торопилась, желая избежать встречи.

– Ну, как ты? – мой первый вопрос.

Она повзрослела, но не менее привлекательна.

– Все хорошо. Работаю в модельном агентстве в Лондоне. Замуж вывожу, – глаза светятся радостью, но я вижу в них затаенную обиду.

– А откуда ты ехала?

– У друзей была в Маргейте.

А, вот почему мы оказались в одном поезде.

Я не спрашиваю номер ее телефона. Мы обе понимаем, что эта страница жизни уже перевернута.

С тех пор следы ее потерялись... Интересно, как она?

А Гия через несколько лет внезапно умер. Ему было всего сорок два. Инфаркт...

Паркетный пол

Не знаю, как вам, но мне к началу девяностых паркетные полы изрядно поднадоели. Другое дело ковры на полу – мягкие, пушистые, цветные, гладкошерстные. В Англии они меня удивляют и покоряют. Это высшая степень комфорта и уюта!

И у нас в бродстеирской квартире ковры. Ну, может, не роскошные, но от плитуса к плитусу.

И все же, мне интересно, почему в Англии практически нет паркетных полов. Может быть, ковры – это не только уют, но и мода? Все гораздо проще: леса давно вырубил, и своей древесины нет. А все, что импорт – очень дорого. Так что у англичан паркет – предмет роскоши. Вот, пришло время пересмотреть свое отношение к отечественным полам. Как-никак, а в большей части квартир они были паркетные.

Ковры, полученные с квартирой, конечно, староваты, и не мешало бы их обновить. Мы это и делаем: меняем ковры в двух гостиных. Ну вот, новенькие, серо-голубые, ворсистые. В передней оставляем старое половое покрытие. Все-таки с улицы придешь, натопчешь. Хотя даже в непогоду невозможно принести в дом грязь. Так везде чисто.

Когда моя ковровая влюбленность остывает, я начинаю видеть все их недостатки. Впитывают пыль, покрываются пятнами, притаптываются и вытираются. А если что-то про-

лить, то совсем катастрофа. Наверно, паркет все-таки лучше, как-то практичней. Но у нас ведь ковры...

А тем временем в моду стремительно входят деревянные полы. Англичане делают ремонты, выбрасывают старые ковры и стелют на пол все тот же паркет. Нет, извините – ламинат. Но что это такое? Возможно, это какой-то новый загадочный вид паркета. Может быть, это «паркет» на английском языке?

Заглядываю в словарь. Естественно, такого слова нет. Но что же это? Отправляемся в магазин смотреть и щупать.

А, так ламинат – это пластик! Просто пластик под дерево. Прочно, дешево и надежно. Может, и себе такое сделать в передней? Но эта вялая мысль покружила и улетела далеко-далеко.

Тем временем, пока наш сын на занятиях в школе, мы с Андреем иногда гуляем по окрестностям. Он ищет новые места для этюдов, чтобы писать на пленэре. Я просто изучаю окрестности.

Все наши прогулки, в основном, вдоль моря. Пойдешь направо – попадешь в Рамсгейт, налево – в Маргейт. Можно и в третью сторону пойти, если стать спиной к морю. Но там гулять неинтересно: в основном, поля с цветной капустой и дороги.

Итак, до Рамсгейта минут тридцать пять быстрой ходьбы. Можно идти вдоль моря, но только на отливе. А если идти верхом через парк и по набережной, то в конце пути перед

вами откроется живописная гавань с белыми яхтами. А из гавани – чудный вид на небольшой городок. Именно в Рамсгейте какое-то время жил Ван Гог и раз в неделю ходил пешком в Лондон, чтобы посмотреть на дом своей возлюбленной. Представляете, сто двадцать семь километров!

А вот Маргейт от Бродстеирса значительно дальше, чем Рамсгейт. Эту дорогу мы еще не обследовали. Но мы не ставим себе цель дойти до Маргейта. Просто гуляя, идем по дороге, ведущей в Маргейт. Мы пересекаем Хай-стрит, идем по Альбион Роуд и дальше наверх, где дорога еще пару раз меняет свои названия и плавно перетекает в Норс Фореленд Роуд. Здесь начинаются самые дорогие дома Бродстеирса. Это не просто большие дома, а целые усадьбы с огромными коттеджами, гаражами, парками. Здесь спокойно, тихо и респектабельно.

Внезапно с правой стороны дороги частные дома обрываются и начинаются деревья с кустарником. Андрей останавливается и заглядывает за деревья. Там виднеется какое-то большое строение, не похожее на частный дом. Интересно, что это такое.

Мы сворачиваем с дороги, проходим сквозь кусты и деревья и видим белое старинное здание, у которого двери и окна первого этажа заколочены фанерой. На первый взгляд, это заброшенная старинная усадьба. Над ней хорошо поработали местные вандалы. На белых стенах граффити, повсюду валяются куски черепицы, разбитые стекла, остатки стульев,

металлических кроватей и всякий мусор. А клумбы и газоны все заросли сорняками.

В середине девяностых в местности, где мы поселились, много заброшенных домов. Это последствия экономического кризиса восьмидесятых. Некоторые из таких домов выставлены на продажу. Но даже за бесценок подобную недвижимость трудно продать. Большинство же хозяев ждет лучших времен, чтобы отремонтировать свой дом и продать с выгодой. Такие дома за их внешний вид англичане называют *eye sore* – бельмо на глазу. Мало того, что они неухоженные и часто полуразрушенные, их еще варварски уродуют подростки.

Мы стоим и смотрим на когда-то роскошный дом викторианской архитектуры. На черные глазницы его оконных проемов, на разбитые балюстрады террас, на проломленную крышу, где выросли деревья, на разрушенные ступеньки и обвалившееся берсо. К дому примыкает еще несколько построек, соединенных между собой. Мы ходим вокруг и видим старые конюшни, пустой бассейн со вспученной керамической плиткой, оранжерею и вагончики бытовки. Что же это за постройка и почему она сегодня в полном запустении?

Я опять иду в библиотеку и после небольших поисков нахожу историю белой усадьбы. Оказывается, что это здание Колледжа Святого Стефана, частной школы для девочек. Первоначально эта школа была основана в Виндзоре в 1867 году монахинями англиканского ордена. Затем переехала в

Фолкстоун, а уже после войны в 1946 году переселилась в Бродстеирс, где оставалась вплоть до своего закрытия в 1991 году. В действительности, здание было не старое и никак не викторианское. Хотя, кто знает, может быть, оно было построено задолго до того, как там разместился Колледж Святого Стефана? Таких подробностей я не нахожу.

Через пару дней мы снова приходим к Колледжу. Это место тянет как магнитом. Обходим все постройки и с обратной стороны возле оранжереи видим, что фанера, которой заколочена боковая дверь, оторвана и приставлена обратно на место. Вокруг ни души, а что же внутри дома? Мы отодвигаем фанеру и осторожно проскальзываем вовнутрь.

Мне немного страшно. Я уже давно вышла из того возраста, когда тянет полазить по развалинам. Но любопытство побеждает.

Здание в середине полностью разгромлено. Всюду разбросаны какие-то вещи, книги, тетради, перевернуты столы и стулья, словно люди в спешке покидали это место.

Андрей проходит вперед и скрывается в конце коридора.
– Иди сюда, – зовет он.

Я иду вслед за ним и оказываюсь в большом зале с настоящим деревянным паркетным полом темно-вишневого цвета. Здесь, по всей видимости, была столовая или актовый зал, или и то и другое вместе. В некоторых местах паркет сорван, и паркетины в беспорядке валяются на полу.

Андрей поднимает с пола одну досточку и внимательно ее

осматривает. С обратной стороны на ней толстый слой смолы.

– Смотри, это же настоящий паркет! Ты знаешь, сколько это сегодня стоит? Да ты такой паркет в Англии сегодня нигде не купишь.

Что правда, то правда. Но я и не собираюсь его нигде покупать.

Но Андрей продолжает рассуждать вслух:

– А что если нам набрать этого паркета и постелить его у нас в холле? Смотри, он отлично укладывается. Смолу растопим обдираловкой для окон, – так на нашем семейном языке мы называем прибор для снятия старой краски.

– Ты что? Это ж сколько надо паркета, ты представляешь?! – затея кажется мне нереальной. – А если нас здесь застанут за этим занятием?

– Да ты посмотри, вот иди сюда, здесь паркета уже нет. Не мы первые, не мы последние. Это ж, сколько добра пропадает!

Он тащит меня в дальний угол, и там действительно часть паркетного пола уже снята.

– Но он же грязный и какой-то черный, – я продолжаю сомневаться.

– А мы его отциклюем, покроем лаком. Он будет как новенький. Вот увидишь. Весь этот цвет уйдет. Его просто когда-то мазали темной мастикой.

У меня с собой имеется большой пластиковый пакет. Я

протягиваю его Андрею, выражая таким образом свое согласие на сомнительную авантюру. Мы быстро набрасываем в кулек паркет и идем домой.

Дома Андрей измеряет количество паркетин, которые укладываются в один квадратный метр и подсчитывает, сколько нам нужно для нашего пола. В общем-то, не так уж много: пять-шесть ходок – и паркет в нашем холле обеспечен.

Теперь у нас появляется новое занятие: мы ходим в Колледж Святого Стефана за паркетом. С собой мы захватываем большие кульки супермаркета «Теско». Оглядываясь по сторонам, сворачиваем с дороги к Колледжу. Подходим с обратной стороны к тайному входу и протискиваемся в фанерную щель, которую аккуратно прикрываем за собой. Заходим внутрь старого здания, проходим в зал, где и начинаем свое варварское действие.

Смола уже не держит деревянные планки, и Андрей просто приподнимает паркетин, подковыривая их отверткой, и они счищаются с пола, как рыба чешуя с только что выловленного карпа. Я быстро накладываю паркет в кульки. Набрал четыре кулька, мы отправляемся домой.

Если бы кто-то видел, что у нас в пакетах! Ведь супермаркета «Теско» рядом нет.

В квартире Андрей выделяет специальный угол, где стопочками складывает наши трофеи. На всякий случай лучше их прикрыть, чтобы, если кто придет, не было лишних рас-

спросов. На самом деле, без специального расследования догадаться, откуда этот паркет, невозможно.

Каждый последующий раз, когда мы приходим в Колледж за паркетом, мне становится немного жутко. Старая школа наполнена разными звуками. Слышны чьи-то шаги, какой-то стук, хлопанье дверей. Кажется, что в старом здании поселились привидения, которые противятся нашему вторжению. Но в действительности, одновременно с нами, на других этажах, трудятся такие же, как мы, шаровики! Странно, что мы еще ни с кем не столкнулись лбами. А я-то думала, что на такие авантюры способны только русские. И кто бы мог подумать, что почтенные англичане тоже могут заниматься подобными вещами! А вот могут.

Через несколько дней паркетный пол в зале снят уже на треть. Но это не только наша заслуга. Исчезли перила на лестнице, деревянные панели со стен, некоторые двери. Но нам надо поторопиться, чтобы успеть набрать нужное количество паркета. Да и желательно ни с кем не встретится – мы здесь все-таки чужие...

Паркет в нашем холле появляется через пару месяцев. Андрей перебирает паркетины, снимает лишнюю смолу и подготавливает пол. Мы покупаем специальную подложку под паркет, паркетный лак, берем напрокат циклевочную машину. В общем, придумали себе работу. Но все получилось: традиционная паркетная елочка стройными рядами покры-

ла пол.

С тех пор, кто бы из англичан не приходил к нам, они будут с восхищением говорить:

– О, у вас паркей фло!

И, возможно, этот паркет до сих пор лежит в той квартире...

В 2001 году все корпуса Колледжа Святого Стефана, за исключением главного белого здания, были полностью разрушены и снесены. А вот белый корпус сохранили, но перестроили в квартиры. Теперь это место называется Усадьба Святого Стефана.

Развод по-английски

Англия – это страна макулатуры. Почти каждый день ее забрасывают нам в узкое отверстие на входной двери. Местные газеты, рекламные буклеты, лифлеты. Я машинально все просматриваю. А вдруг пропущу что-то нужное.

Среди газет часто попадаются лотерейные скретч-карты.

Я стираю серебристые полоски, но никогда ничего не совпадает. Однако я знаю, что бывают и исключения. Это те уникальные случаи, которые происходят с кем-то другим, но ты всегда надеешься, что это произойдет и с тобой.

И, черт возьми, это действительно происходит!

В один прекрасный день я вытаскиваю из газеты очередную скретч-карту.

Читаю: потрите монеткой серебристую полоску на левой части карточки, затем на правой, и если сумма в фунтах, обнаруженная вами слева, совпадет с суммой справа, то вы станете ее счастливым обладателем.

Но это еще не все. Читаю дальше: если на обороте карточки под серебристым покрытием вы обнаружите число 10000, то выиграете дополнительно к первой сумме еще 10000 фунтов.

Просто из любопытства, смеясь над всем и над собой, я царапаю левую половинку карточки и обнаруживаю число семнадцать тысяч пятьсот. Что-то сразу слишком большая сумма в фунтах. Я уже почти заинтригована.

Начинаю аккуратно стирать правую полоску. Первой показывается цифра пять, потом ноль, единица... в конце снова ноль, и после единицы семь. Второе число семнадцать тысяч пятьсот?! Я не верю своим глазам.

Читаю все с самого начала. Сравниваю левую и правую части карточки. Все совпадает.

Черт, я обалдеваю! Этого не может быть. Мы выиграли семнадцать тысяч пятьсот фунтов!

Вот оно счастье!

Третье число меня уже не интересует. Нам и этого достаточно. К тому же, понятное дело, что там числа 10000 не может быть по определению. Ну, просто такого не бывает. А если и бывает, то, разумеется, не со мной.

И все же, надо бы поцарапать и на обороте. Я счищаю се-

ребристый слой и снова не верю своим глазам: хорошенькое аккуратненькое толстененькое число 10000!

– Черт, черт, черт!!! – мое супер-эго бьется в истерике.

– Что ты там чертыхаешься? – кричит Андрей из своей студии.

Я иду к нему. Показываю лотерейную карточку и все перевожу. Вижу, как его глаза загораются.

– Нет, не может быть. Я не верю.

– Ты прямо как Станиславский. Не верю, не верю. Ну как же?

– Если ты все точно перевела, то все сходится.

– Как-то все очень просто получается. Раз – и почти двадцать восемь тысяч выиграла.

Андрей тянется за сигаретами.

– «Просто» – это для дураков. А на самом деле...

Так, у меня нет желания с ним заводитьсь, и я пропускаю конец фразы мимо ушей.

– Подожди, надо закурить. Так, давай еще раз. Переводи все сначала.

Я снова все перевожу. Все правильно – мы выиграла двадцать семь тысяч пятьсот фунтов. Господи, это же решение всех наших проблем!

Я кладу драгоценную карточку на каминную полку. Потом накрываю ее книгой, чтобы никто не увидел. Хотя кто к нам ходит? Но все-таки... Нет, лучше я положу ее в спальне и на всякий случай закрою окно. Ведь этот лотерейный би-

лет – целое состояние!

Я ношусь с ним из комнаты в комнату и вдруг говорю себе: стоп! Так я могу вообще забыть, куда я его положила, и оставляю его открытым на полке в спальне.

Ночью я сплю тревожно. Мысль о выигрыше не идет из головы. Думаю, что надо показать эту карточку кому-то из англичан, так, на всякий случай, чтобы, когда мы будем получать деньги, нас не обвели вокруг пальца – мы же иностранцы.

На следующее утро мы с Андреем идем на Хай-стрит в офис к одной нашей знакомой и показываем ей билет. Джеки недоуменно смотрит то на меня, то на Андрея. Я читаю в ее взгляде, что мы или наивные, или дураки, а скорее, и то и другое вместе.

Джеки говорит, что по этому билету нельзя получить деньги.

Как так? Мы не верим. Может, она завидует и поэтому так говорит. Может, она думает, что только англичане должны выигрывать в английские лотереи.

Она возвращает нам скретч-карту со словами:

– Можете выбросить и забыть.

И все-таки я не пойму, почему она так считает.

– Джеки, но ведь тут четко все написано! И числа совпадают, и...

– Вот смотрите, где надо читать, – и она показывает две мелкие строчки внизу на обороте карточки.

Я с трудом читаю малюсенькие букочки: «Обладатель счастливой карточки до 31 декабря должен зарегистрироваться по телефону для участия в лотерее, тираж которой состоится в июне следующего года. Стоимость звонков...»

Я не могу поверить. Значит, все это для того, чтобы затянуть людей в лотерею.

Мы выходим из офиса ошеломленные.

O sancta simplicitas!¹³

Я, кажется, зациклилась на поисках работы. У меня появляется привычка просматривать вакансии.

В местных газетах всегда есть объявление в рамочке о работе из дома. Бесплатный информационный пакет и соблазнительная зарплата. Ни слова о работе, но есть телефон.

Всякий раз я игнорирую это объявление. Оно мне не нравится. Но мое упрямое эго шепчет, что может быть, это шанс.

Набираюсь храбрости и звоню. Автоответчик: оставьте свой адрес и номер телефона. Мы свяжемся с вами в удобное для вас время.

Я оставляю. Ждать приходится не долго. Буквально через три дня приходит предложение о склеивании конвертов дома.

Для того чтобы начать работу, мне предлагают заплатить двадцать фунтов за пачку конвертов, которые надо склеить. А затем после склеивания мне заплатят сто фунтов. Я счи-

¹³ О, святая простота! (*лат.*)

таю: склеивание одного конверта стоит больше, чем сам конверт. Как такое может быть? Тут что-то не так.

На следующий день приходит еще два письма. В одном описывалась старая как мир игра и предложение вложить деньги в конверты и послать по пяти адресам. В другом с душещипательной правдивостью на двух листах рассказано, как еще вчера автор письма не мог оплатить свои счета, а уже через месяц купил себе Феррари. В жизни, оказывается, все просто. Надо только знать некоторые нюансы бизнеса. И так как он уже достаточно много заработал, он готов поделиться своими знаниями со всеми желающими. Весь свой опыт он изложил в подробной инструкции, следуя которой каждый может заработать деньги. Надо только послать чек на сорок фунтов автору письма, и он вышлет вам эту инструкцию.

Письма с предложениями сыплются каждый день. Лохотрон заработал.

Но с меня достаточно. Я уже знаю, что это такое, и не глядя выбрасываю всю эту макулатуру.

Незванные гости

Англичане очень обходительны, тактичны и всегда улыбаются. Они вежливы и внимательны. Они смотрят на вас невидящим взглядом, не буравят глазами. Их лица расслаблены, не напряжены, но совершенно бесстрастны. Губы всегда готовы растянуться в приветливую улыбку. Они такие же

люди как мы, но совсем другие.

Я почти обожаю их на первых порах. Потом привыкаю и начинаю воспринимать английскую учтивость как само собой разумеющееся. А со временем вижу, что среди англичан тоже есть зануды, лентяи, аферисты и странные личности.

Теперь я хорошо знаю, что такое уйти по-английски. Это значит попрощаться, а потом еще час стоять в прихожей и что-то вам на дорогу рассказывать.

Я не обращаю внимания на английские обещания позвонить. Потому что, если англичанин уверяет вас, что позвонит, то он никогда не позвонит.

И в гости они частенько ходят без приглашения.

Стук в дверь. Кто это может быть? Из большого эркерного окна нашего дома видно крыльцо. На крыльце стоит незнакомая женщина. Это, скорее всего, агитатор из церкви. Но агитаторы обычно ходят вдвоем.

Женщина стучит еще раз. Я открываю дверь.

На пороге немолодая просто одетая женщина. Я вопросительно смотрю на нее.

– Я миссис Сноуграс. Могу я войти? – В голосе некоторая наигранность, несоответствующая внешнему виду.

О, бывшая владелица нашей квартиры! Здравсьте вам, моя хорошая миссис Сноуграс. И каким ветром вас сюда из Австралии занесло?

Я вежливо, но холодно улыбаюсь, однако пропускаю ее в квартиру.

– Да, заходите, пожалуйста.

А в памяти всплывает другой визитер, приехавший к нам из Лондона года два назад. Он, правда, перед приездом позвонил.

Это был мистер Дэвидс. Он представился как друг мистера Маилза, нашего арт-дилера, с которым у нас случились денежные разногласия – мистер Маилс не заплатил Андрею за проданные работы. А мистер Дэвидс сказал, что у него есть ксерокопии некоторых документов, представляющие для нас интерес. Хорош друг!

Да, заинтриговал, ничего не скажешь. И главное, объявил, что уже стоит на платформе перед поездом, чтобы отправиться к нам в Бродстеирс.

В то время как я разговаривала с мистером Дэвидсом по телефону, Андрей выразительно кивал мне головой: конечно, пусть приезжает.

Полтора часа, пока наш визитер ехал в поезде, мы терялись в догадках о том, что он хочет нам сообщить. Андрей срочно купил бутылку шотландского виски десятилетней выдержки, чтобы достойно встретить гостя.

Потягивая виски и медленно пережевывая сэндвичи, гость из Лондона просидел у нас целый день. Показывал копии неоплаченных счетов Маилза за аренду помещения. Рассказывал одно и то же по несколько раз. Мы так толком ничего и не поняли. Это были какие-то закулисные интриги, в которые он хотел нас втянуть, потому что поссорился с арт-

дилером. Домой в Лондон он явно не спешил – ему у нас понравилось. И надежда на русское гостеприимство оправдалась...

Миссис Сноуграс переступает порог – и тут же:

– О, у вас паркей фло! – и добавляет с укором: – Вы убрали мой ковер!

Я пропускаю мимо ушей ее реплику и, раз уж она зашла, приглашаю ее в комнату и предлагаю присесть.

Миссис Сноуграс садится в кресло и замечает:

– О, вы заменили мои двери!

Эту реплику я тоже пропускаю мимо ушей – ей же надо о чемто говорить. И уже приученная к английскому этикету, предлагаю ей чай или кофе.

А вдруг откажется? Нет. Она выбирает чай.

Ну вот, теперь я еще буду пить с ней чай! И все-таки, зачем она пришла?

Я ставлю на стол чашки, бросаю в них пакетики с чаем и заливаю кипятком.

– Вам нравится Бродстеирс? Чудесное место, не правда ли? – начинает она.

– Да, неплохое, – уклончиво отвечаю я.

– Тишина и покой.

– Но вы почему-то уехали.

– О, это длинная история.

Я вижу, она не хочет рассказывать. И мне ее история совершенно не нужна. Но в ответ на ее реплики о ковре и две-

ри я говорю:

– Расскажите.

– Нет, нет. Об этом не стоит, – решительно отрезает она.

И разочарованно добавляет: – Вы поменяли мои занавески.

– И не только занавески, – я уже еле сдерживаю себя.

– А что еще?

Старая калоша, ты хочешь знать, что еще. О'кей.

Я веду ее на кухню. Она смотрит на новую мебель, чистые стены и говорит:

– Но со старой тоже было неплохо.

О, господи! Ну, откуда она свалилась на мою голову!

Мы возвращаемся в комнату, и я надеюсь, что теперь она, наконец, уйдет. Но миссис Сноуграс снова садится в кресло и, глядя на картины на стенах, говорит:

– У вас так много картин.

Тут в гостиную заходит мой муж. Я успела шепнуть ему, кто пришел, когда гостья только заходила. В одной руке у него кисть, в другой банка с растворителем.

Я знакомлю его с миссис Сноуграс.

– Хау ду ю ду? – миссис Сноуграс протягивает ему руку.

Но Андрей показывает, что руки заняты, и со сладкой улыбкой отвечает:

– Дую дую – не надую, – и в мою сторону: – Какой черт ее принес?

– Извините, он не говорит по-английски, – я опережаю ее вопрос и с обворожительной улыбкой продолжаю: – Какой

черт, какой черт? Лучше спроси, что ей нужно.

– А что ей нужно?

– Ты ее спроси, а не меня.

– А, так это вы рисуете? – вдруг догадывается наша гостья. – Для аматора у вас неплохо получается, – удовлетворенно констатирует она. – А я вот тоже...

Ну все, перед Андреем помахали красной тряпкой. Даже не говоря по-английски, это слово он прекрасно знает.

– Он не аматор, а профессиональный художник, – перебиваю я ее.

– Неужели?

– Что она сказала? – переспрашивает Андрей нарочно, хотя все прекрасно понял.

– Что он говорит? – не унимается миссис Сноуграс.

– Он говорит, что на море большие приливы, – это первое, что мне приходит в голову.

Англичанка поджимает губы, и глядя на меня в упор, с претензией в голосе задает вопрос:

– Тут оставалась одна кровать, такая большая двуспальная. Желтый атласный матрас с белыми цветами. Вот в той комнате. Я бы хотела ее забрать. Надеюсь, вы ее не выбросили?

– Мы ее распилили.

–...!

Кафе «Чапини»

Ранней весной, проходя по набережной, в витрине кафе «Чапини» я вижу объявление «Есть вакансии. Опыт не имеет значения. Заходите, спрашивайте».

Когда тебе часто говорят «нет», ты, по меньшей мере, теряешь веру в себя. А со временем начинаешь так бояться отказа, что уже избегаешь попыток устроиться на работу, только чтобы не услышать очередное «нет».

Я внутренне напрягаюсь и обхожу два раза вокруг кафе. Потом сжимаюсь, как перед прыжком в холодную воду, и захожу внутрь.

– Садитесь, пожалуйста.

Уже не молодой итальянец с приятной сединой, в белой рубашке с бабочкой и черной жилетке вежливо мне улыбается и указывает на столик возле стены.

Я сажусь. В кафе много людей. Мне кажется, что все смотрят на меня и только и ждут, что мне откажут. Итальянец садится напротив. Я раньше видела его в этом кафе, возможно, и он меня тоже. Может быть, поэтому он спрашивает:

– Вы живете в Бродстеирсе?

– Да, недалеко отсюда.

– Вы француженка?

– Нет, я русская.

– О, русская! – ну все, теперь скажет нет. А он продолжа-

ет: – Вы раньше работали в кафе? Умеете обращаться с кофе-машиной? Делать кофе с молоком, эспрессо?

– Нет... нет... – теперь мне приходится говорить нет.

– О'кей, вы нам подходите. Оплата почасовая 3,50 в час кэшем. Работа с девяти до шести. Один выходной.

Он смотрит на меня мягкими серыми глазами, а мое сердце уже переполняет благодарность ко всему итальянскому народу.

– Когда вы можете начать?

– Завтра, я могу начать завтра.

– Отлично. Жду вас завтра в девять утра. Как вас зовут?

– Елена, – нет, так выговорить он не может и повторяет Елена с ударением на первый слог. – А я Франко. Менеджер этого заведения. Не забудьте: белая блузка, черная юбка, черные туфли и черные непрозрачные колготки, – и на прощание:

– Увидимся завтра.

Так начинается моя работа в кафе «Чапини».

На следующий день утром я нервничаю, с непривычки ничего не успеваю, но без пяти девять я уже на месте. Франко одобрительно улыбается, выдает мне зеленую в крупную клетку жилетку и такую же бабочку на блузку. Теперь я член команды. Он проводит инструктаж, и я приступаю к работе.

Франко не отходит от меня ни на минуту. Если у меня что-то не получается, он подбадривает:

– Буфетчиком еще никто не рождался.

Я учусь делать капучино, эспрессо, чай с молоком, горячий шоколад, пытаюсь запомнить весь ассортимент и ничего не перепутать. Присесть я могу только в обеденный перерыв на полчаса, и еще у меня есть пятнадцатиминутный tea break¹⁴ в течение дня.

Зал кафе вытянут, и вдоль одной стены почти на всем протяжении зала располагается прилавок. За прилавком нас двое – я и Франко.

Франко около шестидесяти. Он маленького роста. Укороченные внизу под его фигуру брюки непропорционально широки, что делает его похожим на знаменитого грустного комика. Итальянский темперамент придает живость темным с поволокой глазам, но имеет уже созерцательную направленность.

В конце прилавка – маленькая кухня. Здесь работают, как прячутся, две посудомойки Маргарет и Тереза. Они англичанки. Маргарет уже немолодая, тощая и совсем без зубов. Может быть, поэтому она выглядит старше своих лет. Но со спины, одетую в короткую черную юбку, я принимаю ее за девушку. Когда она поворачивается, стараясь как можно милее улыбнуться мне беззубым ртом, я с трудом преодолеваю секундное замешательство.

Маргарет шефствует над Терезой, неполноценной от рождения. Тереза совершенно неопределенного возраста, но по поведению – маленький ребенок. Она что-то напевает сла-

¹⁴ Перерыв на чай.

бым писклявым голоском и бездумно машет тряпкой. Ее движения напоминают ускоренные кадры старой документальной хроники.

Ну и компания!

– Подожди, ты еще познакомишься с Марией и Пепе, – смеется Франко. – Это наши боссы – владельцы кафе, сеньоры Кьяпини. Они работают только летом, когда посетителей станет больше.

Я почти заинтригована.

– А почему кафе называется не Кьяпини?

– Потому что англичане их фамилию, написанную поитальянски, читают по-английски. Вот поэтому и Чапини.

Когда рабочий день подходит к концу, Франко сообщает мне, что нам еще предстоит уборка всего помещения. А я уже валюсь с ног. Я должна помыть и натереть до блеска все металлические поверхности шкафов за прилавком и вымыть стекло витрины с пирожными.

Франко начинает всех подгонять. Тереза с полным подносом грязной посуды, на прямых, словно деревянных, ногах, тяжело топая ногами, пробегает мимо столов и непременно что-то роняет.

– Тереза, быстрее, быстрее! – улыбаясь, повторяет Франко.

Маргарет и Тереза убирают кухню, ставят все стулья на столы и подметают пол, а Франко моет кофе-машину, а затем пол во всем кафе. Никаких уборщиц! И все надо сделать за

полчаса. Лишние деньги нам платить не будут. Я вспоминаю Карла Маркса.

Через пять минут после окончания работы я уже дома. Выжатая как лимон, я хочу немного посидеть. Я целый день простояла, с непривычки болят ноги. Из кухни идут вкусные запахи. Мой муж взял на себя функцию домохозяйки. Мы поменялись ролями. Ну что ж, это хорошо, пусть помогает.

К концу недели я получаю свою первую зарплату. Сто двадцать шесть фунтов! Отлично, хотя получилось меньше, чем я ожидала. С меня вычли налоги.

Вскоре к работе приступают сеньоры Кьяпини. Им обоим за шестьдесят. Мария оказывается толстой, грузной женщиной с большими бараньими глазами, которые она эмоционально закатывает каждый раз, когда англичане не понимают ее. Она почти тридцать лет прожила в Англии, но по-английски знает всего несколько фраз и произносит их с ужасным акцентом. Волосы у нее на голове настолько жидкие, что короткая стрижка напоминает поредевший от ветра одуванчик, выкрашенный в рыжий цвет. Она смотрит на меня с одобрением.

Пепе¹⁵ – это сокращенно от Джузеппе, полностью соответствует своему английскому имени. Он вспыльчивый, всегда прав и очень не любит, когда кто-то вступает с ним в спор. Меня он просто не замечает. Они с Марией с Сицилии, и

¹⁵ Пепе по-английски означает перец.

когда разговаривают, это почти комедия дель арте – южный темперамент и театральная интонация заставляют посетителей оборачиваться и наблюдать за спектаклем.

У Франко другой итальянский. Сдержанный. Он с севера Италии.

Теперь Пепе стоит на кассе и рассчитывает посетителей, Мария сервирует спагетти и лазанью, а мы с Франко готовим кофе и чай.

Когда посетителей немного, Мария с Пепе занимают столик возле стены, откуда хорошо видно все кафе и прилавок. Мария сидит, по-хозяйски прочно установив руки на бедра и широко расставив толстые отекшие ноги, обтянутые цветастым платьем. Пепе откидывается на спинку стула с важным видом крестного отца итальянской мафии и, не поворачивая головы, что-то иногда говорит жене. Когда кто-нибудь здоровается или прощается с ним, он слегка приподнимает руку, и не отрывая ее от стола, делает ладонью еле заметное движение, похожее скорее на неудовольствие, чем приветствие.

Из динамиков доносится мелодичное пение Иглесиаса. Людей в кафе прибавляется, и Тереза выходит в зал помочь Маргарет убрать со столов. Она проворно размахивает тряпкой, напевая свои любимые куплеты. Ножи и вилки летят на пол. Она поднимает их и, увлеченная работой, начинает громко тянуть срывающимся голосом высокие ноты своей песни, полностью перекрывая Иглесиаса. Англичане вытягивают чопорные физиономии и изумленно поворачивают го-

ловы на странное пение.

Пепе строго говорит:

– Тереза! – И она тут же замолкает, словно выключают радио. Потом забывается, и все повторяется сначала.

В конце дня Мария достает из витрины пирожные и, наклоняясь за прилавком, незаметно обнюхивает каждую тарелку. Не прошедшие тест отставляет в сторону.

– Маргарет! – зовет она.

Маргарет подбегает, виляя задом, как хвостом, и с собачьей преданностью смотрит в глаза Марии:

– Да, синьора!

– Это нехороший, забирать себе, – Мария делает рукой королевский жест.

– Да, синьора, спасибо! – от счастья Маргарет снова машет хвостом и уносит пирожные на кухню...

Сегодня двери и окна кафе открыты настежь. Послеобеденный зной, и посетителей становится мало. С моря дует приятный бриз с сильным запахом водорослей. Значит, на море отлив.

Даже стоя в кафе за прилавком, я ощущаю этот резкий йодистый запах. Как хорошо было бы посидеть на пляже!

Говорю об этом Франко. Он мечтательно улыбается, смотрит на меня грустными итальянскими глазами, в которых я читаю: «Ах, если бы я был моложе...» – и говорит:

– А ты представляешь, как сейчас хорошо в Италии? Где-нибудь в Рапалло или Портофино...

– Хватит болтать! – резко окликает Мария со своего наблюдательного пункта.

– Сеньора, я сказал только два слова. Я все время работаю.

– Знаю, как ты работаешь. Языком целый день мелешь. Иди на кухню и начинай мыть холодильник. А ты, Элена, бери тряпку и протри все зеркала.

И так каждый раз. Как только мы начинаем переговариваться, нас, как маленьких детей, шлепают и ставят в разные углы. Ну, ничего, мы еще наговоримся, когда кончится сезон и вас здесь не будет.

К концу дня приходит Андрей. Заказывает кофе. Я вижу, что он раздражен. Садится за столик рядом с прилавком и, пользуясь тем, что я сейчас никого не обслуживаю, рассказывает, что кто-то звонил, а он ничего не понял. И вообще, я здесь стою, а он должен все сам – и писать работы, и продавать, и еще готовить.

Я осторожно напоминаю, что работаю в кафе не от хорошей жизни.

– Если бы я говорил по-английски, то зачем ты вообще мне тогда нужна?

Хорошее заявление, ничего не скажешь. Я глотаю его, но оно застревает как кость в горле, и еще долго будет напоминать о себе.

Франко следит за нами. Андрей допивает кофе и недовольный уходит.

– Он давит на тебя, – говорит Франко и по-отечески по-

глаживает мою руку. Я молча смотрю на него. Да, Франко, мне тяжело, мне очень тяжело, но я все выдержу, я должна...

Однажды стоя за прилавком, я замечаю под одним из столиков смятые бумажки, похожие на деньги. Точно, деньги. Что же делать? Если я их сейчас не подниму, то их заберет кто-то из посетителей. Но в «Чапини» есть правило: если в кафе кто-то что-то забыл и не возвращается за потерей, это становится собственностью владельцев кафе.

Я выхожу в зал, вокруг пусто. Маргарет на кухне и не видит меня, а Франко вышел принять товар. Я наклоняюсь и поднимаю две скомканные банкноты – сто фунтов. Когда Франко возвращается, рассказываю ему о случившемся.

– Послушай, Элена, если кто-нибудь будет спрашивать эти деньги, то их надо вернуть. Но если, как ты говоришь, никто не видел, что ты их подобрала, и никто за ними не вернется, мы эти деньги поделим поровну. О'кей? – Он глядит на меня в упор, и я, конечно, соглашаюсь – он менеджер.

Через несколько минут в кафе приходит один из наших завсегдатаев. Он озабоченно оглядывается вокруг и подходит к прилавку. Смотрит на меня и на Франко, и говорит, что, возможно, потерял здесь в кафе сто фунтов, две банкноты по пятьдесят.

– Где, вы говорите, сидели? – спрашивает Франко.

Я подлю молчу.

Итальянец выходит в зал и вместе с клиентом идет к сто-

лику, за которым тот сидел. Двигает стулья, смотрит под столом, вокруг. Разумеется, ничего нет.

– Возможно, я потерял их где-то в другом месте, извините.

Человек растерян, ему неловко. Он быстро прощается и уходит.

Франко достает из кармана пятьдесят фунтов и вручает их мне...

Неприменно по вторникам и четвергам в кафе приходит изрядно выпивший англичанин. На нем всегда светлый костюм с галстуком, на голове шляпа, которую он вежливо приподнимает, когда здоровается, а в желтых зубах – толстая сигара. Франко называет его Аль Синатра за явное желание походить на Аль Капоне и Френка Синатру одновременно.

Аль Синатра пьет. Его костюм засален и в многочисленных пятнах. За ним постоянно тянется шлейф дурного запаха, по которому легко определить, чем страдает его владелец. Но Аль Синатра, разумеется, ничего этого не замечает. Он пропускает в местном пабе стакан-другой виски и, чувствуя себя превосходно, игривой походкой, слегка пошатываясь, заходит в кафе «Чапини».

– Мое почтение, леди и джентльмены, добрый день, – он приподнимает шляпу и раскланивается направо и налево.

Люди спешат расступиться – из-за запаха невозможно стоять рядом. Но Аль Синатра воспринимает это как почтение к своей особе. Он проходит к прилавку и заказывает ко-

фе. За соседним столом Маргарет убирает посуду. Он видит только ее спину и короткую юбку.

– О, какая красotka!

Он проводит рукой по спине Маргарет чуть ниже талии. Беззубая Маргарет выпрямляется и резко оборачивается. Радостная улыбка на лице Аль Синатры сменяется кислой миной.

– О нет! Пардон, мадам, пардон.

Мы с Франко покатываемся со смеху, прячась за кофемашиной.

Я подаю нашему герою-любовнику кофе. Теперь он смотрит на меня, и на лице снова появляется сладкая улыбка дамского угодника.

– Дорогая, ты сегодня прекрасно выглядишь! А не завалиться ли нам вечером в ночной клуб?

Ну, это уж слишком! Но я давлюсь от смеха и не могу произнести ни слова.

На помощь приходит Франко:

– Извините, сэр, но Элена эту ночь дарит мне.

Аль Синатра понимающе приподнимает шляпу, берет кофе и садится за столик рядом с прилавком.

В зал выходит Тереза. Она убирает посуду, но через минуту забывается и, фальшивя, громко тянет «Что за дитя» Вильяма Дикса.

Аль Синатра оборачивается всем телом и с неподдельным восторгом смотрит на Терезу.

– Тереза!

Строгий оклик Франко заставляет ее замолчать.

– Моя дорогая, вы прекрасно поете, не останавливайтесь, дитя мое, продолжайте, – умоляет Аль Синатра.

Но Тереза, громко топая, уже убегает на кухню.

Франко разошелся. Ему хочется еще поиграть. Он снова подзывает Терезу и спрашивает:

– Тереза, как тебя зовут?

– Те-те-те-ре-за, – заикаясь, по слогам, выговаривает она с довольной улыбкой на голом лице.

– Молодец, – хвалит Франко под добродушный смех Марии, Пепе и Маргарет. – А теперь закрой глаза и сделай вот так, – он дотрагивается пальцем до кончика своего носа.

Тереза, моргая, сосредотачивается, закрывает глаза и пытается повторить то, что показывает Франко. Каждый раз ее палец попадает то в глаз, то в ухо, но никак не в кончик носа.

– Все, довольно, Тереза, – останавливает ее Франко. – Ты сдала экзамен. Можешь продолжать работу.

Аль Синатра допивает кофе и подымается со своего места.

– Джентльмены, прошу прощения, я должен откланяться, – он рукой приподнимает шляпу, делает поворот на сто восемьдесят градусов с заносом влево и, покачиваясь, направляется к выходу...

Наступают серые хмурые зимние дни. Я стою за прилавком, а думаю о своих делах. Сегодня мне надо позвонить в «Паттерсон галери». Неделю назад я послала им фотогра-

фии работ Андрея, и они ответили, что хотели бы посмотреть оригиналы.

В перерыв я быстро перекусываю и бегу к ближайшему телефону-автомату, чтобы позвонить в галерею. Бросаю монету и набираю номер.

– Перезвоните, пожалуйста, через пятнадцать минут. Мистер Паттерсон сейчас занят.

Я жду пятнадцать минут и звоню снова.

– Извините, он все еще занят. Оставьте ваш номер телефона. Он с вами свяжется.

Я вешаю трубку. Мне надо бежать в кафе. Нет, так я, определенно, ничего не могу сделать.

С моря дует холодный ветер, моросит дождь. На набережной людей нет, в кафе тоже пусто.

Мария звонит Франко и распоряжается закрываться.

– Сеньора, всего четыре часа!

Но я вижу, он кивает головой и объявляет нам, что мы закрываемся. Это значит, что я получу меньше денег...

И снова лето. У прилавка столпотворение.

– Лазанья? – спрашивает Мария так, будто учиняет допрос.

Поливает блюдо испортившимся соусом, – а я предупредила, что он скис, но она никого не слушает, и подает посетителю.

Я слежу, как он отправляет в рот кусок лазаньи и морщит-

ся. Через минуту он приносит тарелку обратно и возмущенно требует денег...

Я устала. С меня хватит. Я сообщаю, что работаю последнюю неделю.

Мария меняется в лице. Она надменна и недовольна.

– О'кей. С завтрашнего дня мы не нуждаемся в твоих услугах. Франко, заберешь у Элены униформу.

Вот так. Даже не дали доработать. Не забывай, кто в доме хозяин.

Ах, прощай, кафе «Чапину»! Прощай, Франко и все остальные! Как хорошо, что я вас больше никогда не увижу.

Но последняя встреча с Франко была еще впереди.

Английская рыбалка

В Рамсгейте – втором по величине городе нашей местности, большой порт и великолепная марина. Когда ходишь сюда писать каждый день, тебя уже знают, ты уже становишься местным художником.

Вначале словосочетание «местный художник» звучит для Андрея почти оскорбительно. Потом он начинает привыкать и уже не обращает внимания на это определение перед словом «художник». Местный – так местный, что поделаешь с провинциальным мышлением.

Андрей располагается на марине и пишет яхты, рыбацкие лодочки и рыбаков.

Когда он пишет этюды в людном месте, обычно сзади время от времени пристраиваются люди, смотрят, тихонько, чтобы не мешать, обмениваются мнениями. Англичане тоже любят подсматривать.

Бывает, только начал и ничего еще нет, а уже слышит сзади:

– Beautiful!

Они очень вежливые, всегда хвалят.

Художник не обращает внимания на подобные вещи. Он занят живописью и ничего не замечает.

Но откуда на природе такие любопытствующие, которых невозможно не заметить? Они дышат в спину и издают странные звуки. Ну, это уже слишком! Живописец вынужден обернуться. А там за спиной целое стадо ценителей искусства – коровы! Они внимательно наблюдают и жуют жвачку.

Да, и такое случается в старой доброй Англии.

Но сегодня на марине нельзя расплыться, надо успеть закончить, пока солнце не ушло за тучу. Ну вот, уже почти закончил, еще пару мазков. И написал неплохо, доволен. И вдруг слышит за спиной знакомую речь:

– Да говно, пошли!

Это уже интересно. Андрей оборачивается, вопросительно смотрит. Два пацана лет по семнадцать. Видимо, приехали английский язык изучать.

– Что ты сказал?

У парня отвисает челюсть. Немая сцена продолжается несколько секунд. Затем они как по команде бегут прочь.

Здесь, на марине, Андрей знакомится со служащим гавани Стюартом. Стюарт швартует яхты и берет с них плату за парковку. Андрей с трудом объясняется с ним на пальцах, и когда мы с Лёшей после школы приходим в Рамсгейт, то помогаем ему поговорить с англичанином.

Как-то Стюард говорит, что может свозить нас на рыбалку. Он, видимо, догадывается, что Лёша, как все мальчишки, бредит рыбалкой. Но не говорит когда. Мы ждем месяц, два. Люди много обещают, а мало что делают. И англичане не исключение. Лучше ничего не спрашивать и вообще забыть об этом. Так, собственно говоря, и происходит. И вдруг спустя полгода раздается звонок – Стюарт:

– Завтра будьте готовы. Едем в Дувр на рыбалку. Удочки и снасти – все есть.

Надо же! А мы уже и не надеялись.

К назначенному часу, одетые по-походному, мы ждем Стюарта у крыльца нашего дома. Лёшкины глаза широко открыты. В них азарт и предвкушение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.